
Црина Лобусова

Копи Хаджибейского лимана *Одесса*

РОМАН «КОПИ ХАДЖИБЕЙСКОГО ЛИМАНА»
ВОСЬМОЙ В СЕРИИ «РЕТРОРОМАН»,

• • •

ПОСВЯЩЕННЫЙ
ЖИЗНИ ОДЕССЫ

ВАЖНО

...КОНЕЦ 1920-Х ГОДОВ. ПО ВСЕЙ СТРАНЕ РАЗРУХА, ГОЛОД, ТОЛПЫ БЕСПРИЗОРНИКОВ. И ОДЕССА НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ — БЕСПРИЗОРНИКИ БУКВАЛЬНО ОККУПИРОВАЛИ ЕЕ УЛИЦЫ. ИМ НЕВЕДОМЫ ЖАЛОСТЬ И СОСТРАДАНИЕ — ОНИ МОГУТ СРЕЗАТЬ КОШЕЛЕК НЕ ТОЛЬКО У НЭПМАНА, НО И ЗАБРАТЬ ПОСЛЕДНИЕ ГРОШИ У НИЩЕГО. ГОРОЖАНЕ БОЯТСЯ ИХ И СТАРАЮТСЯ ОБХОДИТЬ СТОРОНОЙ. И ВДРУГ ПРОИСХОДИТ НЕПОНЯТНОЕ И СТРАШНОЕ — БЕСПРИЗОРНЫЕ ПАЦАНЫ НАЧИНАЮТ ИСЧЕЗАТЬ. КОГО-ТО НАХОДЯТ МЕРТВЫМ, КОГО-ТО ВООБЩЕ НЕ НАХОДЯТ... МЕРТВЫЕ НЕ МОГУТ НИЧЕГО РАССКАЗАТЬ, НО ИХ СТРАШНАЯ, МУЧИТЕЛЬНАЯ СМЕРТЬ ГОВОРИТ О МНОГОМ...

FOLIO

Ретророман

Ирина Лобусова

Копи Хаджибейского лимана

«ОМІКО»

2019

УДК 821.161.1(477)

Лобусова И. И.

Копи Хаджибейского лимана / И. И. Лобусова — «ОМІКО»,
2019 — (Ретророман)

...Конец 1920-х годов. По всей стране разруха, голод, толпы беспризорников. И Одесса не исключение – беспризорники буквально оккупировали ее улицы. Им неведомы жалость и сострадание – они могут срезать кошелек не только у нэпмана, но и забрать последние гроши у нищего. Горожане боятся их и стараются обходить стороной. И вдруг происходит непонятное и страшное – беспризорные пацаны начинают исчезать. Кого-то находят мертвым, кого-то вообще не находят... Мертвые не могут ничего рассказать, но их страшная, мучительная смерть говорит о многом...

УДК 821.161.1(477)

© Лобусова И. И., 2019

© ОМІКО, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ирина Лобусова

Копи Хаджибейского лимана

© И. И. Лобусова, 2019

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2015

* * *

Глава 1

Финдиректор мыловаренного завода. Леночка. Обыск. Отчаяние прожженного мошенника

ОДЕССА, 4 марта 1926 года

Финдиректор Одесского мыловаренного завода Пал Кузьмич распахнул дверь канцелярии и выпустил наружу застоявшийся, спертый воздух. Служебные помещения проветривались редко – из-за панического страха Павла Кузьмича, больше всего на свете боявшегося сквозняков, фининспекций и незапланированных посетителей.

Когда над ним посмеивались, он надевал самое серьезное лицо, становился в позу поверженного императора и невероятно трагическим голосом произносил: «Копейка счет любит, да убоится воров и сквозняков». И если б не две «чистки» подряд, которые Пал Кузьмич выдержал с честью назло вредоносной контре, засевшей в дебрях мыловаренного завода, эта приписка стоила бы ему нескольких литров испорченной крови – а может, и больше.

Мнения сослуживцев всегда разделялись. Одни считали эту поговорку старообрядческой, вторые – старорежимной, а третьи утверждали с пеной у рта, что так когда-то говорили эсеры. Впрочем, кто такие «эсеры», скромные служащие одесской мыловарни, конечно, если и знали, то уже подзабыли. Просто второй помощник счетовода вычитал это слово в старой газете в общественном туалете, случайно завалившейся за ржавый бачок, и с тех пор щеголял интеллектом – перед всеми подряд.

Впрочем, сослуживцы Пал Кузьмича не трогали, хоть и не любили. Среди всех сотрудников завода он был самым ценным, потому что только у него мог сойтись дебет с кредитом в очень сжатые сроки, причем без дополнительных источников финансирования. Свою же нелюбовь они выражали тем, что бессовестно сокращали красивое имя Павел, превратив в безликое Пал, словно подчеркивая, что красивого имени финдиректор недостоин. Но самому Павлу Кузьмичу было на это плевать.

Павел Кузьмич считал себя мужчиной в самом расцвете сил. Несмотря на то что ему уже стукнуло 52 года, он безбожно врал окружающим, что ему и 43-х нет. Он красил волосы секретным раствором, купленным в аптеке по большому знакомству у помощника фармацевта, и молодился из всех сил. Проявлялось это в том, что Пал Кузьмич проходу не давал всем сотрудницам завода моложе 35-ти, абсолютно уверенный в том, что все дамочки считают его совершенно неотразимым.

Дамочки морщились, кривились, но слать откровенно и прямо не смели. Все-таки Пал Кузьмич был у начальства в почете – так сказать, особой, приближенной к самым верхам. Но и толку в заигрываниях его никогда не было. Дамочки, если не успевали исчезнуть, позволяли ущипнуть себя за мягкое место и, скривив жуткую гримасу, которую он принимал за восторженное мление, убегали на занятия в кружки пролеткульта, вечерние школы, заседания комитетов... В общем, убегали.

Не задумываясь о таком повальном бегстве особ женского пола при одном только его появлении, Пал Кузьмич в мыслях считал себя кем-то вроде пришедшего на землю второго Адониса. Кто это такой, Пал Кузьмич не знал, но когда-то в кружке пролеткульта ставили что-то греческое, и там он услышал это слово. Оно ему чрезвычайно понравилось, и с тех пор Пал Кузьмич стал называть себя только так.

В последнее время это название мысленно звучало в диалоге Павла Кузьмича с самим собой все чаще и чаще, потому что мысли его занимало очень важное дело.

Делом этим была секретарша Леночка – вернее, временная секретарша, присланная на замену ушедшей в отпуск по болезни старой и противной Таисии, которая своим ворчанием и дотошной скрупулезностью в делах нагоняла на Павла Кузьмича нервозность и тоску. Леночка была восхитительной тоненькой красоткой лет 25-ти, с огромными карими глазами и короткой стрижкой. Она была яркой брюнеткой, что особенно нравилось Павлу Кузьмичу, умела обворожительно улыбаться и очень внимательно слушать, а в смехе ее звучали тысячи колокольчиков, от которых он улетал прямо под небеса на крыльях неземной любви. Чудо-Леночка пять дней назад пришла работать лично к нему и была единственной, на кого чары Павла Кузьмича действовали безоговорочно и сразу.

Так, уже на второй рабочий день она отправилась с Павлом Кузьмичом на свидание. Он шиканул вовсю, отвезя девушку в ресторан на Дерибасовской на таксо. Вечер, который влетел скупому финдиректору в копеечку, прошел блестяще. Думая, что Леночка отработает потраченные на нее деньги, Пал Кузьмич потребовал продолжения банкета в номерах. Но девушка состроила обиженную мину и умело поставила его на место. Она заявила, что просто потеряла голову от столь блестящего мужчины, а в состоянии серьезного шока не способна упасть в его объятия. Павел Кузьмич растаял и отвез Леночку на таксомоторе домой.

Жила она в дебрях Молдаванки, достаточно далеко от центра. И скупой финдиректор мучительно страдал с того самого момента, как блестящий новенький таксомотор стал спускаться со Староконки на Балковскую.

На следующий день снова был ресторан, и снова Леночка устроила от ворот поворот с таким шиком, что, поцеловав краешек ее густо накрашенных губ, Пал Кузьмич был неспособен даже выразить свое недовольство.

Но, вернувшись домой, в свою убогую холостяцкую берлогу, в которой почему-то не желала поселиться ни одна женщина, он решил, что обиделся, и даже осмелел настолько, что попробовал Леночке отомстить. В третье их свидание они гуляли по Дерибасовской, держась за руки, как гимназисты из прошлой жизни, что смотрелось несколько нелепо для возраста Павла Кузьмича. Было холодно, пошел промозглый, противный дождь, в воздухе висела отвратительная одесская сырость! Гулять было ужасно неуютно и даже опасно для здоровья. И когда продрогшая Леночка, хлюпая сопливым носом, посмела предложить зайти погреться в чай-

ную на Екатерининской, выпить чаю или теплого молока, Пал Кузьмич гордо заявил, что ему задерживают зарплату и денег нету.

В правом кармане пиджака при этом у него лежал бумажник, в котором была ровно тысяча червонцев. Эту тысячу из черной кассы Пал Кузьмич еще не успел перепрятать в свои закрома. Дело в том, что воровал финдиректор по-черному, обчищал мыловаренный завод до мыльной пены, для чего в потайном месте, под половицей в канцелярии, у него лежали двойные счетные конторские книги.

Эту тысячу Пал Кузьмич намеревался потратить на кутеж в заведении под названием «Лучшая баня». Открытое на Пересыпи, к бане оно не имело, конечно, никакого отношения – это был самый настоящий бордель. Как натура прагматичная, привыкшая просчитывать все на корню, Пал Кузьмич прикинул, что свои честно ворованные деньги лучше потратить на проститутку в бане, от которой он гарантированно получит то, что ему нужно. А с порядочной Леночкой можно гулять под ручку и без сельтерской, раз уж она такая, и тратить деньги на нее нет никакого толку.

Леночка обиделась. Особенно, когда сказала, что от холода и дождя у нее разболелось горло, а Пал Кузьмич посадил ее на трамвай, вместо того, чтобы довезти в таксо. Но уже на следующий день она заявила, что страшно соскучилась, и назначила Павлу Кузьмичу интимное свидание прямо перед началом рабочего дня. Он просто не поверил своим ушам, когда Леночка так и заявила: интимное свидание!

До назначенного времени оставалось часа полтора, и Пал Кузьмич решил заняться тем, чтобы внести данные в свои левые книги и перепрятать их понадежнее – вместе с наличными.

Итак, распахнув дверь душевой канцелярии, Пал Кузьмич потоптался на пороге, стряхивая с потрепанной жизнью тужурки капли густой утренней влаги. Стоял туман. Где-то вдалеке тоскливо выл маяк, и это заунывное подвывание мешало Палу Кузьмичу настроиться на необходимый романтический лад и навевало тоску. Воздух был просто-таки перенасыщен влагой. Казалось, перед Палом Кузьмичом стоит плотная водяная стена, усиливая ощущение холода, забивая нос, рот, глаза липкими, тяжелыми каплями. Влагой промозглого утреннего тумана были пропитаны его волосы и одежда. Переехав в Одессу уже лет пять назад из центральной полосы России, Пал Кузьмич все не мог привыкнуть к одесской влажности. Сырой климат раздражал его, и он никак не мог смириться с туманами и с застывшей в воздухе водой, а оттого ворчал все больше с каждым днем, неспособный уже сдерживаться даже при потенциальных кандидатах в жертвы его обворожительной внешности.

Внутри канцелярии Пал Кузьмич быстро растопил печку и, развесив сушиться на чугунной буржуйке мгновенно промокшую тужурку, закрыл дверь и запер ставни. В свете лампы, горящей вполнакала, он отогнул третью половицу с левой стороны и открыл нечто вроде углубленного тайника, где были тщательно спрятаны два ящика из нержавеющей стали. В одном были фальшивые конторские книги, с помощью которых Пал Кузьмич обворовывал мыловаренный завод. В другом ящике хранились наличные червонцы. Этот ящик он отпер первым и тщательно спрятал в него остаток суммы от посещения борделя-бани и кутежа в компании целых двух проституток, на которых расщедрился по принципу «гулять так гулять». Порядочная Леночка с ее теплой ручкой, доверчиво продетой ему под локоть на туманной Дерибасовской, таких денег, конечно же, не стоила.

Мало кто из сослуживцев догадывался о подпольных аферах Павла Кузьмича. Крал он безбожно, но со вкусом и изящно. Если в производстве не досчитывались определенных сумм, их списывали на рабочие потери и прочие непредвиденные расходы. Постепенно кубышка Павла Кузьмича надулась до таких размеров, что уже не помещалась в стальном ящике. И он уже всерьез подумывал о том, что надо бы заказать ящик побольше да сделать второй тайник – возможно, под половицей под окном.

Робкий стук в дверь вырвал Павла Кузьмича из приятных мечтаний о втором ящике. Быстро спрятав деньги в стол, он поспешил открыть. На пороге стояла очаровательная Леночка. Волосы ее были влажны от утреннего тумана, а глаза соблазнительно блестели в полутьме.

– Я так соскучилась... – На лице ее появилось мечтательное выражение. – Вот, пришла... Я ведь знаю, что вы бываете здесь по утрам... Вы такая ранняя пташка.

Пал Кузьмич не стал откладывать дело в долгий ящик и решительно притянул Леночку к себе. Совсем рядом с его лицом оказались ее сочные, податливые губы, манящие, зовущие... Неземное блаженство! Райское наслаждение от сладкого поцелуя прервал грубый, настойчивый стук в дверь. Да какой там стук! Кто-то нагло и требовательно колотил в дверь кулаком с такой силой, что с потолка посыпалась щебенка и труха. Испуганная Леночка отпрянула в угол, как встревоженный зверек.

– Кого еще несет? – рявкнул Пал Кузьмич, ненавидя весь мир. – Занят я! В рабочее время приходите!

– Оно у тебя и сейчас рабочее! Папаша, открывай дверь по-хорошему, а то замок выбьем! – раздался в ответ грубый, внушительный голос из-за двери.

Пал Кузьмич оробел. Командовать так мог только человек, наделенный властью и полномочиями, – хитрый финдиректор разбирался в этом отлично. Леночка испуганно хрюкнула – похоже, она тоже разбиралась в подобных вещах. Пал Кузьмич отдернул пиджак и поспешил открыть дверь. Сердце его замерло. Внутри ввалились пятеро в кожаных тужурках с наганами наперевес. Молодой темноволосый кряжистый бойкий парень выступил вперед, явно командуя всеми:

– Гражданин Никитенко Павел Кузьмич?

– Он самый... – Душа финдиректора свалилась куда-то в пятки.

– Отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Ревизию у вас будем проводить. Обыск.

– Какой обыск... Какая ревизия?! – Пал Кузьмич картинно схватился за сердце.

– А вот такой! Проверочка у вас будет. Жалобы на производство поступили, недостача за недостачей. Конторские книги все проверять будем. Деньги, ценности советуем сдать добровольно, в революционном порядке!

– Да какие такие деньги, ценности! – заголосил Пал Кузьмич. – Мне третий месяц зарплату задерживают!

– И в этом тоже разберемся, куда ваша зарплата теряется! – Темноволосый начальник огляделся по сторонам, и его тяжелый взгляд уперся в Леночку.

– А вы, гражданочка, кто здесь будете?

– Сотрудница я... – пискнула Леночка совершенно дурацким голосом, из которого исчезло все очарование. – Секретаря на производстве в финотделе замещаю.

– Так, отойдите в сторону и не мешайте проведению обыска! С вами мы тоже разберемся.

– Да я-то тут при чем? – Глаза девушки вдруг наполнились слезами.

– Разберемся! – Начальник грубо отодвинул ее в сторону. – Приступайте, товарищи!

Чекисты застучали ящиками столов. Вскоре начальник присоединился к ним. Он решительно направился к столу Павла Кузьмича, открыл ящик и вынул коробку с червонцами.

– Так... Это что такое? – нахмурился темноволосый.

– Это я в кассу собирался нести к открытию, – принялся выкручиваться Пал Кузьмич, – видите, выписывал приходный ордер.

– А ну-ка пересчитай, – сунул начальник коробку одному из своих людей. Тот быстро приступил к делу.

Павел Кузьмич был не так прост. Он давным-давно приготовился к подобным неприятностям. На случай неожиданной ревизии и любой проверки у него был выписан кассовый ордер

на сумму, лежащую в коробке, якобы он собирался сдать в банк, но не успел. Документы были настоящие, с мокрыми печатями, и Пал Кузьмич сунул их чекисту.

– Вот, можете проверить, все в порядке, – заговорил он, – деньги в кассу собирал, думал, к началу дня удобно сдать.

Начальник углубился в документы. При виде такой кучи денег глаза Леночки заблестели недобрый блеском – ей явно вспомнился дождливый вечер и трамвай. Но Пал Кузьмич был так напуган, что не обратил на это абсолютно никакого внимания.

– Так, документы мы изымаем, и деньги тоже, – резюмировал чекист, – до особого выяснения обстоятельств. Повесткой вас вызовем. Для дачи показаний и объяснений.

– Всегда готов... – выдохнул Павел Кузьмич.

– Сколько там? – обернулся начальник к коллеге.

– Тридцать четыре тысячи пятьсот восемнадцать червонцев, – отрапортовал тот.

– Солидная сумма! – нахмурился чекист.

– Так несколько месяцев собирали, чтоб бумаги оформить и сдать в кассу... – залепетал Пал Кузьмич, у которого затряслись руки.

– За сокрытие доходов что полагается? – рявкнул начальник. – Оба к стенке пойдете – и ты, и директор, если что! И контора ваша... Развели здесь...

Вся кровь отхлынула от лица Павла Кузьмича. У него страшно потемнело в глазах.

– Ужас какой... – вдруг всхлинула Леночка, произнесла эти неуместные слова каким-то писклявым голосом. Этой репликой она привлекла внимание к себе.

– Секретарша, значит? – обернулся к ней чекист. – Бумаги оформляла? Составляла?

– Я... я... – залепетала Леночка, разом онемев.

– Она составляла, – обрадовался Пал Кузьмич, что страшное внимание чекистов отвлеклось от него.

– Так я... оно... это... – мертвела на глазах Леночка.

– А число где? – вдруг нахмурился чекист. – Число на документах трехдневной давности, а деньги собирались сегодня сдать? Это как? Кто составлял?

– Секретарша напутала, – Павел Кузьмич отвел глаза в сторону и изо всех сил принялся гипнотизировать трещину в штукатурке.

– Павел Кузьмич! Да как же это! Да я ведь документы эти и в глаза не видела! – вдруг заголосила Леночка. – Что же коется, люди добрые? Как оно, за что?!

– Все с вами понятно, гражданочка, – веско сказал чекист. – Поедете с нами для дачи показаний. Задерживаем до выяснения обстоятельств.

– Павел Кузьмич, помогите! Что же это такое? – завизжала Леночка. – Заступитесь, Павел Кузьмич!

Но Пал Кузьмич, который буквально десять минут назад с восторгом целовал губы Леночки и был готов поклясться в вечной любви, вдруг быстро отступил в сторону, словно пытаясь спрятаться за канцелярским несгораемым шкафом. Увидев это, кто-то из чекистов даже хмыкнул.

Леночку подхватили под белые руки. Отбиваясь и крича, она принялась вырываться. Павел Кузьмич повернулся спиной и уткнулся на пятно на полу.

– Гражданка, уймись! Вы арестованы, – повысил голос начальник. – Станете сопротивляться, хуже будет: пойдете в расход при попытке к бегству!

Услышав это, Леночка замолчала, застыла как статуя и безжизненно замерла в держащих ее руках.

– А со мной что будет? – робко спросил Павел Кузьмич, еще не веря в свое счастье.

– Вас вызовут повесткой к следователю для дачи показаний, – пояснил чекист. – Вас и директора завода.

Леночка смотрела на Павла Кузьмича страшными, умоляющими глазами, но он старательно делал вид, что не замечает этого. Пережив ужас, один из самых сильных в своей жизни, Павел Кузьмич радовался тому, что нашелся козел отпущения и арестован не он. Чекисты собрали деньги, документы и ушли, уводя с собой Леночку. Пал Кузьмич остался один.

Он трюсил так сильно, что боялся даже подходить к окну. Шло время. Во дворе стали появляться служащие. На пороге возник улыбающийся директор завода.

– Только что на совещании был в управлении – нас хвалили! План перевыполнен, и с финансами порядок, – произнес он довольно.

– А... недостачи? – онемел Павел Кузьмич.

– Какие недостачи? – удивился директор. – Кстати, обрадую вас. На следующей неделе нам временную секретаршу пришлют, вместо Таисии! Наконец-то! Сколько времени прошло!

– А Леночка? – Челюсть Павла Кузьмича упала вниз.

– Какая Леночка? – уставился на него директор.

Ясность происшедшего обожгла мозг яркой вспышкой – его, прожженного мошенника, ограбили с такой наглой легкостью! И мало того, что ограбили, еще и сумели напугать! Этого Пал Кузьмич вынести просто не мог. Вцепившись в волосы, он завыл дурным голосом. Прямо перед ним разверзлась бездна.

Глава 2

*«Пролетарское здоровье». «Бабы, тихо! Кончай музыку».
Мечта следователя Фингера. Наказание Скумбриш*

ОДЕССА, 18 марта 1926 года

Парочка белых лебедей плавала на самой середине пруда, грациозно вытянув длинные шеи. Конец марта был необычайно теплым, в воздухе чувствовалась весна. Ослепительное, уже жаркое солнце целый день дарило хорошее настроение всем, кто выходил на улицу, на свежий воздух.

А таких было необычайно много, ведь гулять в Хаджибейском парке, под уютной сенью раскидистых вековых деревьев было настоящим наслаждением. Несмотря на то что был только март, санаторий «Пролетарское здоровье» на Хаджибейском лимане был полон. Теплая весна позволяла совершать длительные прогулки по парку знаменитого курорта, поэтому почти все отдыхающие воспользовались весенним днем и, покинув свои палаты и процедурные, отправились в парк.

Это был удивительно красивый парк! Большой по площади, он и расположен был очень удачно – огибал каменные корпуса грязелечебницы и большого каменного дома с палатами для пациентов, так что, можно сказать, санаторий просто находился в парке. Здесь росли редкие деревья. Самые уникальные виды экзотических растений неожиданно прижились в этих местах и дарили радость всем, кто сюда попадал.

В середине парка был разбит большой пруд, который питали проточные воды небольшой пресной речушки, впадавшей в Хаджибейский лиман. В пруду всегда плавали белые лебеди. Поговаривали, что они обитали в этих краях с древнейших времен, еще с того момента, как на этой земле впервые был построен курорт с целебными грязями.

Так или иначе, но лебеди, живущие здесь, стали главной достопримечательностью Хаджибейского парка.

Грაციозные и гордые птицы были прекрасны. Царственно рассекая воды пруда, они, к огромному восторгу детворы, позволяли кормить себя мелкой рыбешкой и хлебными крошками.

Менялись времена, менялись названия грязелечебницы, расположенной рядом с парком, пока наконец здесь не обосновался привилегированный санаторий для партийной большевистской элиты «Пролетарское здоровье». А лебеди... Лебеди оставались верны своему пруду. Пользуясь теплыми одесскими зимами, они не улетали в южные края, а оставались зимовать в Хаджибейском парке. Во внутренних помещениях служащие санатория построили теплый вольер, который можно было заполнить водой, и в редкие одесские морозы, когда пруд замерзал и находиться на нем становилось уже опасным для птичьей жизни, забирали птиц туда.

С самого дня своего основания курорт на Хаджибейском лимане стал модным местом и заслужил громкую славу в Одессе. Слава эта заключалась в том, что услуги и процедуры здесь были очень дорогими и доступными только для представителей аристократии и членов богатых купеческих семей, которые могли позволить себе платить звонкой монетой за приближение к знатной верхушке.

Позже, после установления советской власти и появления новой страны, курорт с грязями не исчез, как многие подобные заведения, процветавшие при царском режиме. Большевики по достоинству оценили красоту Хаджибейского парка, зданий лечебницы и гостиничных корпусов, а главное – целебность грязи лимана. Полезные свойства этой грязи были уникальны и отлично помогали лечить застарелые раны, полученные еще в гражданской войне.

А потому высокие чины большевиков потянулись в бывшую лечебницу на Хаджибейском лимане. Они жили в гостинице, гуляли в парке, кормили лебедей и развлекались с местными девушками. Специально на территории парка был построен ресторан с дорогим и изысканным интерьером, куда выписали одного из лучших поваров Одессы. А еще через время бывшую грязелечебницу поставили на баланс и открыли в ней уже упоминавшийся санаторий «Пролетарское здоровье». В нем основное внимание уделялось процедурам с лечебной грязью и физиотерапии.

Новый санаторий моментально стал элитным, почти закрытым местом, потому что путевки в него не продавали и не выдавали простому пролетариату. Их получали только представители партноменклатуры, советской элиты, либо разбогатевшие нэпманы покупали за большие деньги. Специально для тех, кто платил деньгами, к каменным жилым корпусам санатория достроили корпус с меблированными комнатами, который функционировал как гостиница. И санаторий заработал в полную силу. Отдыхать в нем считалось престижно в любое время года.

Итак, несмотря на март, все путевки были распроданы, и в санатории было очень много людей, тех, кто смог позаботиться о своем здоровье и на себе почувствовать целительные свойства грязи.

Наконец день начал клониться к вечеру. Ночные тени уже легли на землю, оставляя длинные сумеречные полосы на деревьях, аллеях парка, скамейках и беседках. Все было еще прозрачно, ведь на деревьях еще не было листьев. При этом весь персонал санатория не устал убеждать гостей в том, что летом Хаджибейский парк становится особенно прекрасным, несравнимым ни с чем, и тот, кто постоял однажды в тени этих редких деревьев, стремится приехать сюда снова.

Постояльцы верили. Им и так было понятно, что парк очень красив.

По мере того, как день клонился к закату, посетители перемещались из парка в ресторан, который уже зажигал огни и манил ими гуляющих.

Ресторан находился рядом с парком. Из окон его отлично был виден пруд. А яркие электрические лампочки, собранные в сказочные гирлянды, отлично просматривались сразу со всех сторон.

В ресторане была отличная кухня, а по вечерам ежедневно играл дамский ансамбль. Они только входили в моду и не могли не привлекать внимания.

К восьми вечера зал ресторана заполнился под завязку. Все столики были заняты, оркестр громыхал модный жизнерадостный фокстрот, а в узких проходах сновали официанты, пыхтя под тяжелыми подносами, заставленными тарелками с едой и всевозможными бутылками. Дамы за столиками щеголяли драгоценностями и модными туалетами, многие мужчины были в военной форме.

При общем гаме и шуме, как всегда бывает в подобных местах, никто из посетителей почти не заметил громкого щелчка, с которым захлопнулась входная дверь. Кто мог подозревать, что металлический язычок замка в захлопнувшейся двери уже отрезал ресторан от всего остального мира...

Дальше все произошло быстро. Во всех проходах из общего коридора, ведущего на веранду, огибавшую ресторан, появились мужчины в черных кожаных тужурках. Лица их были закрыты разноцветными платками, а на брови надвинуты фуражки. В руках у них было оружие.

Оказавшись в самой середине зала, один из них вдруг пальнул в хрустальную люстру из нагана. Она лопнула, осыпав всех, кто сидел под ней, дождем из острых хрустальных осколков. Женщины страшно завизжали. А стрелявший зычно крикнул в сторону дамского оркестра:

– Бабы, тихо! Кончай музыку!

Перепуганные музыкантши моментально сбились в кучу, прекратив играть.

– Ограбление! Бумажники на стол! Кто вякнет – пасть прострелю! Никто за здесь с вами шушли-мушли разводить не будет! Дослухали до меня, гниды?

Несколько бандитов пошли по рядам, собирая бумажники, выложенные на стол, и срывая с дам драгоценности. Поразительно, но никто из мужчин, большинство из которых были военными, пришедшими с фронтов гражданской войны, даже не попытался сопротивляться бандитам! Жирная жизнь в рядах партийной номенклатуры вытряхнула из них остатки мужества. И, перестав быть солдатами, поднявшись по карьерной лестнице, они превратились в труху, с которой бандиты могли делать все, что угодно.

Все прошло так тихо и быстро, практически без пыли и шума, что налетчикам больше не пришлось стрелять. Собрав богатейший урожай, набив драгоценностями и деньгами холщовые мешки, они исчезли так же быстро, как и появились.

Когда посетители поняли, что им больше ничего не угрожает, они разбежались с такой скоростью, что почти никто не расплатился по счету...

Когда позже начали разбираться, то выяснилось, что перед налетом бандиты сразу заперли весь обслуживающий персонал – работников кухни и официантов – в кухне и в одном из подсобных помещений.

Их сразу же выпустили. Но, несмотря на то что бандиты их не тронули, девчонки-официантки не могли успокоиться и громко плакали. А в санатории началась паника.

Никто не ожидал, что чекисты, работники уголовного розыска, приедут так быстро – буквально через час. А через два уже вся территория санатория заполнилась опытными сыскарями с собаками.

Весь и так не спавший персонал санатория подняли с постелей и собрали в огромном холле жилого корпуса. Допрашивать их собрался лично следователь уголовного розыска по особо важным делам – приехавший недавно из Киева знаменитый сыскарь Вадим Фингер, заслуживший известность тем, что накрыл торговцев фальшивыми драгоценностями с Петровки, обезвредил банду Мишки Волынского и поймал убийцу двух монахов из Киево-Печерской лавры – заезжего гастролера из Болгарии. В Одессу же Фингера направили, чтобы он помог справиться с разгулявшимся бандитизмом, которого город не помнил со времен Михаила Японца.

Начал он с того, что строго допросил всех сотрудников ресторана и установил, что вошли бандиты через служебный вход, запертый, как всегда, на ключ, – его закрывали сразу, как только ресторан начинал работать, чтобы персонал не отвлекался от работы в горячее время.

Однако служебный вход был открыт, не взломан, причем не отмычками, а подходящим ключом. Кто открыл?

Все сотрудники ресторана были на своих местах, никто не пропал, не отсутствовал...

Перешли в санаторий. Фингер выступил вперед:

– Внимание начальников всех отделов... Или главврачей, как там у вас говорят... Немедленно пересчитать всех своих людей и доложить, кого нет и кто отсутствует!

Тут же начался пересчет. Перепуганные до полусмерти, сотрудники стояли как мыши. И тут подал голос заведующий физиотерапевтическим отделением:

– Э-э, простите...

– Что у вас? – Казалось, тяжелым взглядом Фингер был готов вогнать его в землю.

– Простите... э-э... кхм... одна медсестра отсутствует. Должно быть семь медсестер... у меня. А их шесть. Одной не хватает...

– Кто такая, как зовут? Давно работает? – оживился Фингер.

– Так новенькая она... Работает два дня... Третий сегодня... Только поступила... Имя... Светлана, кажется. Фамилию не помню. В личном деле наверняка есть... – мялся заведующий.

– Жила при санатории? – Фингер знал, что большинство сотрудников живут на месте.

– Не-не, – замотал головой заведующий. – Она комнату в деревне по соседству снимала. Я точно запомнил, она говорила, что ей жить не надо в санатории. И вечером сегодня после работы в деревню ушла...

– Как выглядит? – Фингер терпеть не мог таких ничего не знающих свидетелей.

– Лет двадцать пять... Среднего роста... Темноволосая... Короткая стрижка... Глаза такие красивые... – Под насмешливым взглядом Фингера заведующий отделением совсем смешался.

– Улавливаешь? – Фингер повернулся к своему помощнику, молоденькому оперативнику, самому толковому из всех его одесских подчиненных.

– Похоже, секретарша Леночка с мыловаренного завода, что того марвихера развела, – бодро отрапортовал тот.

– Она самая, сучка... – не сдержался Фингеров. – Ладно, идем личное дело смотреть.

Но в отделе кадров папка с личным делом пропавшей медсестры оказалась пустой.

– Как же так... – Начальница отдела кадров растерянно хлопала полными слез глазами.

– Сперла, – даже с каким-то удовлетворением отметил Фингер.

Прихватив своего помощника Дмитрия Лошак, он отправился в кабинет, предоставленный главным врачом санатория.

– Когда мы только сюда ехали, мне позвонил... – Фингер заговорщически понизил голос.

– Как? Тот самый? – всплеснул руками Лошак.

– Он. У начальства на этот санаторий и курорт очень большие планы. То ли гостей особых тут принимать будут, то ли что другое... Когда узнали, что тут произошло, они все так взбеленились, – с усмешкой рассказывал Фингер, – как у вас здесь говорят? Такой шухер поднялся, шо бери разгон! Велено бандюков изловить и в расход пустить, а с ними и эту девку.

– Она служебный вход открывала? – спросил Лошак.

– Она, – кивнул Фингеров. – Она тут развела все и ключ сперла или сделала его слепок. Плевое дело. Сначала в отделе кадров стащила личное дело, а потом пошла в ресторан и отперла дверь.

– Куда ж она подевалась? – недоуменно развел руками Лошак.

– Думается мне, была она в вечернем платье... – многозначительно рассуждал вслух Фингер. – На посетительницу ресторана возле служебного входа никто из персонала внимания не

обратил бы. Подумаешь, заблудилась, искала туалет, забрела не туда... Она открыла дверь, выпустила бандюков. А пока те персонал запирали, пошла тихонько в ресторан и уселась там среди гостей. Затем начался грабеж. Типа ее ограбили тоже, все такое. А потом все посетители ресторана разбежаться начали... Видишь, все дали деру, только пациенты санатория остались, что в своих номерах сидят. А левые, с улицы, – таких никого нет. А с улицы их было большинство, потому что червонцы у них. Когда они драпать стали, она с ними и дала деру. Добежала до околицы какой, в место условное. А там ее уже кто-то из бандюков на автомобиле и ждал. И давай тикать. Вот, думается мне, так оно все и было.

– Вы как в воду глядите! – поразился Лошак.

– А чего тут глядеть? – усмехнулся Фингер. – План четкий, продуманный. Я бы и сам так сделал! Так что девку эту надо изловить. Ушлая дрянь. Бед наделает. Всюду за ней беда.

– Кто она такая, хоть знаете? – подчиненный во все глаза смотрел на начальство.

– Да откуда? – поморщился Фингер. – Знал бы – я бы тут с тобой сидел? Бандитка она, сволочь, контра! Таких голыми руками давить надо! Страшный вред советской власти от них! И я ее выслежу. Вот увидишь, зуб даю! – он не на шутку завелся. – Я ее выслежу и либо к стенке поставлю, либо так посажу, что никто и не выпустит. Сгниет там, в тюрьме. Помяни мое слово, Лошак. Рассердила она меня серьезно. И совсем не за то, что у начальства особые какие-то планы на здешние места. А за то, что шкура эта бандитская ловкостью своей въелась мне в печенки. Ишь как бандюками хороводит! С рук ей оно не сойдет. Ловить будем серьезно. Так что штаны подтяни, Лошак, и пошли работать...

Квартиру воровского авторитета Скумбрии охраняли тщательно, был он хоть и старым вором, бывалым, отсидевшим свое на каторге, однако все же не очень уважаемым в воровских кругах, как говорится, с гнилым душком. Несколько раз он кинул своих товарищей на крупных банковских аферах. А в последнее дело захватил порцию драгоценностей, но вместе того, чтобы, как положено по закону, разделить их со всеми своими людьми, кто участвовал в деле, соврал, что их у него украли – неизвестно кто. Но все прекрасно понимали, что часть драгоценностей Скумбрия благополучно сплавил за границу, а часть держит у себя в сейфе, надеясь продать. Потому в воровском мире он стал изгоем и очень опасался мести своих бывших товарищей, которые обещали не только отобрать ценности, но и поставить его на ножи.

Особенно свирепствовал молодой, но быстро восходящий в гору авторитет Кагул. Его люди участвовали в деле с драгоценностями вместе со Скумбрией и так же, как и остальные, остались с носом. Они обратились к Кагулу за справедливостью и попросили помощи. На воровском сходе тот поклялся, что Скумбрии это так с рук не сойдет. Все знали, что Кагул вор авторитетный, не бросает слов на ветер. А потому Скумбрия стал заставлять своих людей охранять свою квартиру днем и ночью. Страх стал неотъемлемой частью его существования, и потому охрана стояла не только на улице, но и во дворе, рядом с самим подъездом.

В тот день Скумбрия славно погулял в ресторане на Ришельевской и подцепил одну из новеньких девиц, появившихся в заведении. Отступив от своих правил, он привез девицу с собой. Она не внушала опасений, но, тем не менее, Скумбрия не стал заводить ее в спальню, а провел только в гостиную. После постельных (если быть точнее, диванных) утех он выпил с девицей стакан вина и выставил случайную гостью вон. А затем прилег на диван отдохнуть, чувствуя приятную расслабленность во всем теле. В голове был туман, а мысли плавали в сладкой подливке.

Скумбрия был очень доволен собой. В этот день он все-таки продал ворованные драгоценности и получил за них очень большие деньги. Они лежали в ящике письменного стола в спальне. Утром Скумбрия собирался переложить их в сейф – вечером, понятное дело, ему было не до того. К тому же он был страшно суеверен и верил в примету, что категорически

нельзя вечером брать деньги в руки и пересчитывать – это к нищете и убыткам. Кроме того, квартиру тщательно охраняли, а значит, Скумбрия мог отдыхать в свое удовольствие.

Покинув дом Скумбрии, девица из ресторана быстро пошла по улице. Поравнявшись с первым же перекрестком, она вдруг замедлила ход, а затем, картинно подвернув ногу, едва не свалилась на мостовую. Схватившись за стенку, чтобы сохранить равновесие, она несколько раз трянула головой, как будто приходя в себя, а затем медленно пошла дальше.

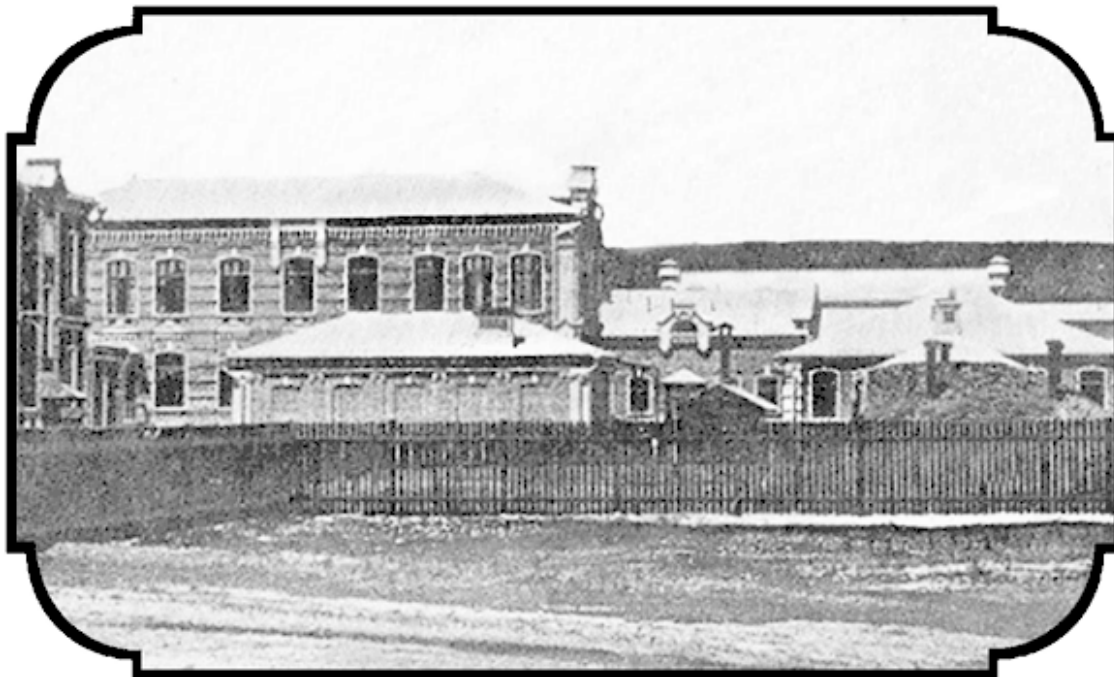
Чуть погодя во двор дома, где находилась квартира Скумбрии, вошла женщина с мальчиком лет 12-ти. Женщина была средних лет, бедно одета, голова ее была повязана дешевым платком. Мальчика она крепко держала за руку. Охрана не обратила на них вообще никакого внимания, правду сказать, бандиты даже не повернули головы. Что могло быть обыденней такой картины? Женщина и мальчик вошли в подъезд и стали подниматься по лестнице. На этаже выше квартиры Скумбрии женщина остановилась у окна лестничной клетки, а мальчишка полез выше, на чердак.

Дверь на чердак была открыта. Мальчик вылез на крышу и стал ловко спускаться по водосточной трубе к квартире Скумбрии. Затем влез в открытую форточку. Скумбрия храпел на диване. Снотворное, подсыпанное девицей, действовало: знаком этому была нога, подвернувшаяся у девицы на перекрестке. Мальчишка быстро вынул деньги из ящика стола, сунул их за пазуху и покинул квартиру тем же способом, которым в нее забрался.

Потом женщина с мальчиком вышли из подъезда, перешли двор, оказались на улице и скоро исчезли. Охрана все так же не обратила на них никакого внимания. Она не смогла описать их даже на следующий день, когда безумные вопли и проклятия Скумбрии буквально поставили на ноги весь город.

– Я найду эту суку и ее мальчишку! Своими руками задушу! – бушевал он. Бросились искать девицу из ресторана – но ее и след простыл. Как и все мошенники, способные обмануть кого угодно, к обману Скумбрия был не готов. Ему было плохо.

Глава 3

Склад на пляже. Скучное дежурство. «Задавленный» телегой. «Склад взяла я»

ОДЕССА, 26 марта 1926 года

Дощатый забор сколотили наспех. Плохо отесанные сучковатые бревна сбили кое-как, в разных местах скрепив то веревками, то гвоздями, то просто известкой, надеясь на ее крепость, но цель свою они выполняли – место было огорожено, и становилось понятно, что территория складов, бывший свободный проход к морю, больше не свободна. Территория занята, проход закрыт.

Справа по-прежнему находился песчаный пляж, редкие камни которого, так же, как и острые осколки ракушек и мидий, не могли отвратить отдыхающих. Море в этом месте просматривалось далеко за горизонтом, и этому не мешали очертания мысов. Пенная полоса прибоя, накрывавшая пляж, приносила с собой богатый урожай водорослей и медуз.

Работники складов в свободное время всегда сбегали к этому месту, даже зимой. Стоило хотя бы десять минут вдохнуть полной грудью терпкий соленый запах, как жизнь начиналась по-новому, даже в самые темные дни играя новыми красками. Море придавало сил. А потому рабочих на складах хватало всегда. Здесь не было такой текучести кадров, как, к примеру, на складах на железнодорожном узле, расположенном в нескольких километрах ниже.

Слева от пляжа и, собственно, от открытого залива находились склады пароходства – три больших и длинных дощатых барака, плавно переходящих один в другой. Случалось, они стояли пустые – если корабли не заходили в порт, какой груз мог храниться в них? Но во времена смуты, смены властей, уличных беспорядков и кровавых боев в складах хранилось оружие. Забитые под завязку винтовками, гранатами, патронами, даже медикаментами, склады тщательно охранялись конными отрядами при полном вооружении. И когда вдоль побережья гарцевала грозная вооруженная конница, грабить их боялись все бандиты, никто из них не решался взять склады пароходства, полные оружия, дело было слишком серьезным и опасным.

А у одесских бандитов, плохо организованных и еще хуже вооруженных после гибели Японца, не хватало ни стволов, ни людей.

Потом смутные времена закончились, и склады опустели. Все оружие было использовано, власть захвачена. Что можно было хранить в огромных ангарах, когда в подкошенной войнами и обескровленной новой, наспех сколоченной большевиками стране свирепствовали голод и болезни?

Когда к власти пришли большевики и начали проводить строгую ревизию всего имущества, находящегося в городе, склады тоже были поставлены на учет. А вскоре они заполнились дровами и углем – тем, что было необходимо в период жестоких зимних морозов и чего так не хватало в Одессе.

Часть складов зимой даже растащили на дрова. И в ближнем к морю ангаре зияли похожие на крысиные норы длинные дыры – местные жители выламывали и выпиливали дрова так хитро, что получался какой-то просто художественный узор.

Потом оказалось, что склады – очень удобная вещь. Их можно было обустроить, разбить на секторы и заполнять самыми разными товарами, которые отлично сохранялись в сухих, удобных и хорошо проветриваемых помещениях.

Начался нэп, и в склады потекли грузы – контрабандные сигареты и пшеница, детали для сельхозмашин и сукно – все, что душе угодно, с легкостью доставлялось в одесский порт, а оттуда уже распространялось по всей стране.

Один из складов, перегороженный ячейками, как самые настоящие соты, специально сдавали в аренду нэпманам. И самые лучшие рестораны и магазины хранили там получаемый из-за границы товар.

И вдруг оказалось, что со складами существует большая проблема! Территория была не огорожена, склады никем не охранялись, а местные жители как ни в чем не бывало сновали мимо важных складских объектов на расположенный по соседству пляж, ничуть не смущаясь тем, что за дощатыми стенами хранятся ценные дорогостоящие товары, предназначенные для развития молодой советской экономики.

Как люди идейные, большевики пытались навести порядок во всем. Власть всегда придерживалась политики, что порядок нужно наводить везде – начиная от идей в мозгах и заканчивая мусором на улицах. И с той же старательностью, с которой забивались все щели в стенах и ремонтировались проблемные места, когда склады готовились к работе, большевики начали обеспечивать их охраной. Для этого территорию требовалось оградить забором и поставить вооруженных охранников, желательно по периметру, с обязательной смотровой вышкой, с часовым, позволяющим высматривать посягающих на советскую собственность и с суши, и с моря.

Вот и был спешно сколочен забор. И хоть внешне он выглядел неказистым, однако был достаточно высоким, прочным и выполнял свою функцию. Какое-то подобие вышки тоже соорудили. Но ее дважды повалил штормовой ветер, шутки с которым на открытом берегу моря были плохи. Поэтому от вышки со временем решили отказаться. А вот от вооруженной охраны – нет. Для охранников сколотили серьезную будку – нечто вроде пропускного пункта, где, как уже упоминалось, всегда дежурили несколько вооруженных солдат. И через эти своеобразные ворота проходили на службу работники складов.

Для них вольница закончилась. Если раньше трудившиеся на складе, пакующие или сортирующие товары рабочие могли в любую свободную минуту выбежать из помещения и даже прогуляться по пляжу, то теперь эта вольница закончилась.

Территорию складов в рабочее время покидать категорически запрещалось. Мало того – при выходе из помещения в конце рабочего дня всех сотрудников обыскивали солдаты, и это, понятно, никому не нравилось. Людей для работы на складах требовалось все больше. Но

проблемой это не было – несмотря на то что нэп несколько улучшил подъем экономики, в стране по-прежнему свирепствовала безработица, а потому со складскими рабочими вопросов не было.

Часовые на складах парохозяйства сменялись по очереди. Дежурство было самым нелюбимым делом для солдат из военного гарнизона, особенно ночью: сидеть в будке приходилось безвылазно, а по ночам еще и скучно, так как рабочих не было и не было к кому придрататься или кого обыскать.

Поэтому двое молоденьких солдат беззаботно играли в домино, забивая козла на потемневшем от времени столе, лишь поневоле прислушиваясь к завываниям ветра, гонявшего тучи песка по пляжу, – уж слишком он шумел. Штормило. Пенные валы накатывали на берег со свирепым ревом, вгрызаясь острыми клыками брызг в подмокший темный песок. Следы от этих клыков не пропадали – там, где они отметились, возникали ямки, похожие на долго не заживающие раны, кровоточащие, постепенно заполняющиеся морской водой. Ветер уныло выл над морской стихией. Пошел мелкий, противный дождь, но тут же перестал. Было похоже, что вот-вот начнется песчаная буря.

Это начало весны – март и апрель – в Одессе всегда славилось своими ветрами. Штормовые ветры свирепствовали с такой силой, что сворачивали все на своем пути – начиная от крыш домов и заканчивая пришвартованными рабочими лодками. Порывистый ветер сбивал людей с ног, рвал их одежду, а на побережье бесцеремонно забивал нос и глаза песком. Было очень тяжело появляться на улице в такую погоду. Рыбаки и моряки, зная это, никогда не выходили в море в этот период – любому, даже начинающему моряку было известно, что разбушевавшийся мартовский ветер намного опаснее штормового моря.

Так что солдаты, от скуки забивающие козла, с нетерпением поглядывали на прибитые к стене часы и прислушивались к завываниям ветра, плакавшего и стонавшего почти человеческими голосами. На заборе возле караулки была прибита керосиновая лампа. Раскачиваясь, она издавала надсадный скрип, навевая тоску. Солдаты ждали окончания смены.

– Два часа еще... – вздохнул тот, что постарше. – Сил нет тут сидеть!

– Может, наверх, к домам, за вином сгоняем? – оживился более молодой.

– Я тебе сгоняю! На губу захотел? – рявкнул старший. – Забыл, что два дня назад здесь было? Хорошо, если на губу, а то и к стенке пойдешь! Этих, что два дня назад пост оставили... – Он с опаской покосился в угол, как будто кто-то мог его подслушать.

– Та ну! И шо? – побледнел его товарищ.

– Того... К стенке! – шепотом закончил рассказ первый. Оба замолчали. Лампа снова издала громкий, совсем невыносимый звук, заставив с таким остервенением, что у обоих солдат аж свело скулы.

– Твою мать!.. – выругался старший. – Сбить ее, что ли?

– Да погоди ты! – Молодой вдруг стал вслушиваться в темноту. – То не лампа. Кричит кто-то!

– Да кто кричать будет в такое время, при буре? – не поверил товарищ. – В такую погоду собака хозяина из дома не выпустит, шо уж по побережью шляться...

– Наоборот, – машинально поправил второй, – хозяин собаку...

– Шо? Умника строишь, борзый, швицер? – обиделся напарник.

– Да погоди ты! Вот послушай. Кричат. Слышишь? Вот теперь...

Оба замерли. И действительно, сквозь шум ветра и скрип лампы отчетливо слышался женский крик.

– Матерь Божья! – машинально перекрестился тот, кто был моложе.

– Ты шо творишь? Вот я тебе руками помахаю! – шикнул на него товарищ. – Тебя чему на пролитпросвещении учили? Нет Бога! Нету! И не было никогда! Байка то, щоб пролетариат обманывать!

– Может, и нету... – вздохнул молоденький, – да только когда оно такое... так само...

Слова его прервал вновь раздавшийся крик, в этот раз прозвучавший ближе и отчетливее. В этом крике была такая невыразимая мука, что оба солдата впервые в жизни испытали настоящий страх. Да не тот легкий испуг, который хоть и холодит нервы, щекочет кожу, но позволяет почувствовать себя сильнее, а глубинный, первобытный ужас, пришедший из темных, далеких времен, ужас, от которого заканчивается воздух и стынет в жилах кровь.

И, словно стремясь закрепить это ощущение, мгновенно парализовавшее обоих, крик зазвучал в этот раз совсем близко, раздавшись с новой силой. И в нем было невероятное, непередаваемое отчаяние. Громкий, пронзительный, этот крик бил по воспаленным нервам охранников и выворачивал наизнанку душу, словно подчеркивая ощущение безысходности, беззащитности перед чем-то тайным и страшным.

– Призраки... – шепотом произнес тот, что помоложе, выронив из дрожащих пальцев косточку домино на стол. Она упала с резким звуком, от этого оба вздрогнули.

– Призраки... – повторил он. – Я слышал, в ненастье по берегу моря ходят...

– Какие еще призраки! – огрызнулся его старший товарищ, пытаясь сохранить видимость бесстрашия.

– Души умерших рыбаков... Те, кто в шторм утонул... – шепотом сказал молодой, – в ветер... когда шторм... нельзя в море выходить. А они вышли и не вернулись. Я знаю. Мне тятка рассказывал. Он моряком был.

– Выдумашь... – тоже машинально понизив голос до шепота и пытаясь спрятать под стол дрожащие пальцы, отозвался старший. – Нету никаких призраков! Нету! Были, да все вышли! Как и Бога нету!

– А вот дудки! – как-то по-детски запротестовал молодой. – Еще как есть! Слышь – по берегу ходят! Недаром бывалые люди говорят: когда ненастье, буря или шторм, на берег моря нельзя выходить. Можно встретить тех, с кем лучше не встречаться... – От страха он повторял одно и то же, но, похоже, не замечал этого.

– Вот еще... – весь сжался старший.

– Точно тебе говорю! Бродят по берегу в шторм утонувшие души! Те, кто в такую же бурю в море пошел. Предупреждают живых. А кого встретят, с собой уташат. На морское дно...

– Да ну тебя! – выдохнул напарник. – От твоих рассказов и поседеть можно. Ветер это воеет. Просто ветер. Шторм. – Было непонятно, кого он убеждает – товарища или себя.

– И ветер кричит? – встрепнулся молодой.

В этот раз крик прозвучал так близко и отчетливо, что оба подскочили с места.

– Ну какого черта всех остальных отсюда убрали, а нас двоих тут оставили! – в сердцах отозвался старший. – Раньше как хорошо было – вдоль всего забора по человеку расставили, и никакая контра не подберется. А теперь что? Мы тут двое первыми, да еще двое сзади, да человека три на складах будут. Это что, охрана для таких складов? Тут же что угодно быть может! И какого черта людей поубирали!

– Ты душу-то не трави, и без тебя тошно, – жалобно отозвался младший.

Крик приближался. Оба снова вскочили с места и теперь уж потянулись к винтовкам.

– А может... того? – Младший с надеждой посмотрел на товарища.

– Чего – того? – нахмурился тот.

– Пальнуть в темноту, а? Шоб оно так выть перестало?

– Больной совсем? А ну как там люди? Шо с нами сделают?

– Да какие там люди! Призраки колобродят! – дрожащим голосом отозвался младший солдат.

– А если призраки это, то им твои пули до одного места! Только пуще разозлишь, и за нами они сюда придут. Вот что... Надо сходить посмотреть.

– Я не пойду! – с ужасом замахал рукой молодой, сжимая в другой винтовку. – Ни за шо, вот те крест, хоть Бога и нету! Ни за шо! – Он начал креститься левой.

– А ну тихо! – насторожился старший. – Слушай...

Оба замолчали. Сквозь завывания ветра и скрип лампы уже отчетливо стал слышен женский крик, в котором можно было разобрать человеческие слова:

– Помогите!.. Ой, лишенько!.. Помогите!..

– А ну пошли! – решительно скомандовал старший и, вскинув винтовку на плечо, шагнул в темноту. Его товарищу не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним.

На улице было страшно – ветер выл, швырял в лицо тучи песка, сбивал с ног... Старший закашлялся. Молодой, дрожащими руками выставив винтовку в темноту, хоть и срывающимся голосом, но зычно крикнул:

– Стой! Кто идет!

Лампу качнуло, и резкий сноп света упал на дорогу, ведущую от пляжа. По тропинке бежала женщина. Оба солдата разглядели это отчетливо. Женщина была одета как простая крестьянка – длинная юбка билась вокруг ног, мешая ходьбе, на плечи упал платок, растрепав длинные светлые волосы, которые ореолом вились вокруг ее головы, шевелясь, словно змеи на голове легендарной Медузы Горгоны.

– Помогите!.. Люди добрые!.. Есть здесь кто? На помощь! Ой, лишенько!.. – вопила женщина, стремительно приближаясь к солдатам.

– А ну тихо, тетка! – рывкнул старший. – Ты кто такая? Что произошло?

– Задавило!.. Там... на дороге! Человека телегой задавило!..

– Кого задавило, где? – заморгал молодой.

– Так мужа моего!.. Телегой задавило!.. Сорвало телегу-то с привязи, да на мужа моего! Осью к земле придавило! Кровушки-то, кровушки сколько... Ой, люди добрые!.. Ой, помогите!

Женщина упала на колени и стала пытаться поцеловать солдатам руки. Старший ухватил ее за плечи и резко поднял вверх:

– Тихо, тетка! Чем помочь-то?

– Так телегу отодвинуть, поднять с него, щоб не умер он там! Ой, люди добрые, Христом-Богом молю!.. Не дайте помереть мужу... Детки наши, детки-то как будут? Ой, не дай Господи, лихо-то какое! – кричала не умолкая женщина.

– Сходи, что ли... – нерешительно сказал старший.

– Да не справится он один, сопливый совсем! – услышала его женщина. – Телега-то большая! Оба, оба вас надо, оба вы за быстро поднимете!

– Как оба? Пост оставить? Да ты что, тетка! – рассердился старший.

– Да нету же ж тут никого, кто ж в такую ночь придет! Нету, и охранять нечего. Помрет! Ведь помрет он! Совсем помрет, ой, лишенько... – Вытянув руки вперед, женщина упала лицом на землю и закачалась.

– Давай сходим! Умрет ведь человек. А так поможем, и назад быстро. Никто и не узнает, – вопросительно посмотрел на напарника молодой.

– Где телега, далеко? – вздохнул тот.

– Да тута она, за поворотом! Совсем близко...

– Ладно, веди. Пять минут, и всё.

Тетка с легкостью, удивительной для ее возраста, поднялась и вцепилась в него: – Пошли, пошли...

Она повела солдат за собой на проселочную дорогу, которая пролежала рядом с холмом и огибала пляж. Так, втроем, они повернули в сторону. А дальше... Солдаты так и не поняли, как это произошло. Вдруг совсем близко появились всадники. Они высыпались из-за поворота

и мгновенно окружили солдат так быстро, что те даже не успели схватиться за винтовки. Женщина замолчала и отошла, совсем не боясь гарцующих коней.

– Вот что, ребята, – вперед выехал молодой темноволосый человек, – крови нам не нужно. Знаю вам никто не сделает. Вы винтовки отдайте...

Тут только часовые разглядели, что всадники целятся на них из темноты, поэтому оружие отдали беспрекословно. Им связали руки и ноги и оставили лежать на дороге. Женщина лихо вскочила за спину темноволосого, и с шумом и гиком всадники унеслись прочь.

Вход в склады был свободен. Караулку никто больше не охранял, и всадники – вооруженные бандиты – беспрепятственно проникли на территорию. Не ожидавшие нападения часовые на задней стороне склада были разоружены очень быстро – всадники окружили будку, в которой они находились, несколько человек ворвались внутрь. Солдаты не успели оказать никакого сопротивления. Их связали – как и тех, на дороге, – и оставили внутри.

Однако без перестрелки все же не обошлось. Она началась возле дверей входа. Бандиты с шумом выбили двери тараном, составленным из двух бревен, лежащих во дворе. На этот шум выскочили трое охранников, которые открыли стрельбу. Однако они были в невыгодном положении – ничего не видя, солдаты падали наугад, в темноту, не понимая, кто их окружает и сколько врагов. Вскоре у них закончились патроны. Бандиты ворвались внутрь склада, связали солдат и оставили лежать во дворе.

Затем они принялись набивать мешки товарами и забрасывать их на спину лошадей. Чего только на складе не было – даже продукты и лекарства! Но бандиты брали только то, что стоило дорого, но унести было легко.

Им несказанно повезло: в задней части склада, который брали в аренду нэпманы, стояли несколько ящиков с ювелирными изделиями из золота и серебра – партия продукции Одесского ювелирного завода ждала отправки в Европу.

Трое бандитов принялись лихо срывать замки и пересыпать драгоценности в холщовые сумки. Внезапно раздался скрип открываемой двери. Они обернулись – в склад осторожно вошла женщина.

– Я же обещал тебе – никакой крови, – улыбнулся ей темноволосый. – Кто еще бы так взял склад, чтоб никого не замочить?

– Я, – тихо сказала женщина. – Склад взяла я.

Темноволосый не стал спорить.

– Во, гляди, бриллианты... Хочешь кольцо с бриллиантом? Посмотри какое!

– Нет, – женщина буквально отшатнулась от него.

– Да почему? – искренне удивился темноволосый.

– Ненавижу золото, – четко произнесла женщина и, развернувшись, быстро пошла прочь...

Глава 4

Специалист по криминальному миру. След Алмазной. Семейная сцена. Очередная барышня Агояна

Володя Сосновский остановился на пороге тесного и душного кабинета, пристально вглядываясь в лица собравшихся. Несмотря на важность дела, людей было не так много. Он узнал троих: начальника уголовного розыска Одессы, председателя городского совета Алексея Трилисского, который вступил на эту должность еще в 1925 году, важную партийную шишку из ЦК УССР, фамилию которого плохо запомнил, так как видел его всего второй раз в жизни, и уголовного следователя из Киева Фингера, которого выписали специально для расследования беспредельных бандитских нападений. Этого Володя узнал по фотографии и то, можно сказать, увидел ее случайно.

Сосновскому было велено тиснуть заметку про приезд Фингера в город. Сотрудник редакции ошибся и принес для материала его фотографию, добытую из архива Киевской ЧК. Однако Володя прекрасно знал, что подобные материалы печатаются без фотографий, поэтому снимок в макет не поставили. Но сам он хорошо запомнил это лицо.

В кабинете был еще какой-то человек, но он держался в отдалении – сидел в глухом углу на стуле, и Володя сразу понял, что это шпион, который будет докладывать чекистам про сегодняшний сбор.

– А вот и пресса! Проходите, товарищ Сосновский, – сказал Трилиссский, с которым Володя хорошо был знаком. – Рекомендую: Владимир Сосновский, главный редактор «Одесских новостей».

– Это еще зачем? – буркнул начальник уголовки. – К чему на закрытом совещании журналист?

– Товарищ Сосновский приглашен сюда не как журналист, а как специалист по старому криминальному миру Одессы, – сухо ответил Трилиссский. – У него огромные знания этого мира и опыт. Он был знаком даже с Михаилом Японцем. Так что он может нам помочь.

– Интересно, – Фингер бросил на Володю пристальный взгляд и подвинулся, давая ему сесть к столу.

– Итак, на чем мы остановились? – сказал Трилисский.

– Разбойные нападения, три за прошедший месяц, – вступил начальник уголовки. – Расследование поручено товарищу Фингеру, он достаточно компетентен.

– Докладывайте, – вступил шишка из ЦК. Это прозвучало как приказ.

– Мы проделали достаточно большую работу, – Фингер откашлялся, – и выяснили следующее. Во главе всех этих нападений стоит некий Кагул – вор в законе из Кишинева, получивший авторитет в кишиневской тюрьме. Он быстро пошел в гору, сколотил банду и принялся бомбить город.

– С чего вдруг такая честь заезжему вору – банда в Одессе? – хмыкнул шишка из ЦК.

– Кагул стал правой рукой Тучи, – объяснил Фингер. – Причина – он с подельниками организовал побег Тучи из Александровского участка. После этого Туча стал доверять ему, как самому себе. Кстати, тех, кто организовал побег, вы здесь так и не нашли, – не удержался он от шпильки, повернувшись к начальнику уголовного розыска. Володя заерзал на стуле, но быстро взял себя в руки.

Тот зло фыркнул, и Сосновский понял, что после этого Фингер приобрел в его лице врага.

– Докладывайте по существу, – подняв руку, вмешался Трилисский, которому тоже явно не понравился выпад Фингера.

– Кагул – наглый и дерзкий вор, – продолжил Фингер. – Сейчас он в большом авторитете, второй человек после Тучи в городе, но действует он не один – во всех этих разбойных нападениях у него есть сообщник. Точнее – сообщница. Это женщина, смелая, ловкая, искусная актриса, она вызывает огонь на себя и тем самым открывает Кагулу путь для нападения.

– А вот это интересно, – нахмурился Трилисский. – Кто такая, есть приметы?

– Есть, – кивнул Фингер, – хотя получить удалось их с трудом. Женщине лет 25–27, высокая, темноволосая, с короткой стрижкой, достаточно красивая, чтобы нравиться мужчинам и втираться в доверие. Обладает большими связями в криминальных кругах. Любовница или жена Кагула – есть и такие сведения. Имя ее пока неизвестно.

– Да что ж такое?! Почему до сих пор никто не задержан?! Чем вы тут занимаетесь? – рявкнул шишка из ЦК. – В городе беспредел творится, а вы тут приметы расписываете! Да хватать всех подходящих воровок, и на Люстдорфскую дорогу! Чего с ними церемониться! Мне цифры по статистике сдавать надо!

– Этак полгорода можно пересадить, – негромко хмыкнул Фингер, а начальник уголовки, которому тоже не понравился разнос, сухо ответил:

– Схватим.

– Есть мнение, – Фингер бросил на шишку убийственный взгляд, – что это воровка, так сказать, из старой гвардии, с давней криминальной, чисто одесской школой, оттого и в большом авторитете. Вычислить ее не так просто – город прикрывает своих на каждом углу.

– А вот для этого мы и позвали товарища Сосновского, который хорошо знает криминальный мир старой Одессы, – вмешался Трилисский. – Товарищ Фингер, назовите имя, которое вам дал информатор.

– Да, мы работаем с агентами, – не давал себя сбить с мысли Фингер. – И вот один из них рассказал, что давно, еще во времена Японца, в Одессе была женщина, которая работала под ним. Ее называли Алмазной. Ну, как обычно – воровала драгоценности, участвовала в налетах. Одно время у нее даже была своя банда, хотя начинала она как хипишница...

– Кто? – не понял шишка из ЦК.

– Хипишница – воровка старой гвардии – усыпляет клиента, а затем с подельниками утаивает ему хипиш – то есть скандал, и тот сам деньги отдает. В общем, хипишница в одиночку не работает – только с подельниками. Ну а банда... Да, потом у нее была банда...

Володя сидел ни жив ни мертв, изо всех сил стараясь не пошевелиться. И только побелевшие костяшки пальцев, которыми он впился в поверхность стола, выдавали охватившую его тревогу. Он старался дышать ровно, но и это было тяжело. Молнии дикого напряжения время от времени проскальзывали по его лицу. Но, к счастью, никто не смотрел на него.

– Товарищ Сосновский, вы что-то слышали об этой Алмазной? – Тут Трилисский таки повернулся к нему.

– Слышал, конечно, – невероятными усилиями Володе удалось взять себя в руки. – Но Алмазная не подходит под эти приметы. Это была полная, низкорослая женщина средних лет. Сейчас ей было бы не меньше 40-ка. У нее были длинные рыжие волосы и одутловатое лицо. Она любила выпить и жила с каким-то бандитом из банды Японца... Имени его я не помню. Ну и главное – Алмазная давно умерла!

– Что это значит? Поясните! – нахмурился Фингер, а начальник уголовки уже открыто смотрел на Володю во все глаза.

– Насколько мне известно, она была убита во время облавы на банду самозванца, лже-Японца, поимкой которого занимался покойный комиссар Патюк, – ответил Сосновский, очень надеясь, что со стороны его голос звучит естественно, без актерского налета. – Она была на сходе в катакомбах в Барятинском переулке, когда туда нагрянули чекисты с облавой. Началась перестрелка, и ее застрелили. А похоронена она как будто на Втором Христианском кладбище...

– С чего вы это взяли? – хмыкнул Фингер. – У меня есть сведения, что Алмазная жива и здорова, и живет с Кагулом!

– Ну, значит, либо это кто-то другой, либо ваш информатор ничего не смыслит в криминальном мире, – парировал Володя. – У меня сведения достоверные – мне рассказывали свидетели, которые видели ее труп. Знаете, слава Алмазной была велика, так что ее именем мог назваться кто угодно.

– Да, это вариант, – вскинулся начальник уголовки.

– Но если бы Алмазная была жива, она могла бы участвовать в подобных налетах? – не отставал Фингер.

– Нет, не думаю, – резко отозвался Володя, – она была не так умна, как вам представляется. Просто обычная одесская бандитка.

– Вам, товарищ Сосновский, придется пересмотреть картотеку и отобрать тех женщин, кто подходит под приметы Алмазной, – снова вмешался Трилисский.

– Я не видел ее в лицо и лично не знал, – пожал плечами Володя, – помочь в этом вопросе не смогу. А если укажу на кого-то и пушу вас по ложному следу? Так что лучше вы сами. Уверен, справитесь.

– Вот это правильно, – кивнул начальник уголовки.

После этого Володю отпустили, но, выходя из кабинета, он отметил, что только его – Фингера и шишка из ЦК остались, не говоря уже про шпиона.

Сосновский шел к Каретному переулку, нет, не шел – почти бежал, при этом стараясь не привлекать к себе внимания. Несколько раз до этого он уже бывал здесь. В старой квартире Таня больше не жила. Соседи сказали, что выехала она в конце января. И тем не менее Володя все равно приходил сюда и смотрел с тоской на темные окна.

Сам Сосновский тоже больше не жил в Каретном. Он снял неплохую двухкомнатную квартиру на Нежинской улице, угол Дворянской, и ему ужасно нравился этот тихий и спокойный район. Окно второй комнаты выходило на Дворянскую, и Володе приятно было вглядываться в знакомые очертания улицы – первой, что увидел он после переезда в Одессу и где было проведено столько незабываемых и важных часов.

То, что он услышан на совещании, его страшно взволновало, сердце билось в груди тяжелым молотом, Володя буквально не мог дышать. Он видел безжалостные глаза Фингера, в которых уже появился охотничий азарт: тот учуял след Тани. Против своей воли Володя испытывал парализующий его страх.

Дом в Каретном переулке выглядел заброшенным. Сосновский поднялся на второй этаж, потрогал на двери огромный замок. Затем спустился вниз, на улицу, и остановился напротив безжизненных окон. Мысли роились в его голове. Неужели Таня связалась с Кагулом? Да, она вполне могла это сделать. Почему, почему не пожалела свою дочь?.. Или наоборот – пожалела?..

Стоя напротив мертвых окон, Володя вспоминал картину, которую увидел, – Таня идет по переулку на руках с маленькой девочкой... У него мучительно заныло сердце...

Алена стояла в коридоре редакции и болтала с кем-то из сотрудников. Володя сразу же, с порога разглядел ее ярко-рыжие волосы, и у него появилось такое чувство, словно его ударили под дых. Уже достаточно много времени прошло с тех пор, как они общались, и тем не менее она формально оставалась его законной супругой.

Когда же они виделись с Аленой в последний раз? Память подсказывала Володе, что больше года назад. Тогда его жена тоже пришла в редакцию, держалась тихо, мирно, даже попросила прощения. И Сосновский от полноты чувств согласился пересылать ей какие-то деньги – время от времени, при условии, чтобы больше они не встречались. Так он и делал. С тех пор он ее не видел. И вот она появилась...

Алена изменилась. Похудела, немного осунулась, обрезала длинные волосы. Но по-прежнему красила их в ярко-рыжий цвет и, соответственно, выглядела очень яркой. Но то, что когда-то так Володе нравилось, теперь вызывало раздражение и отвращение.

– Зачем ты пришла? – резко прервал он ее беседу с кем-то из сотрудников. Сосновский был зол и хмур. Увидев это, тот поспешил раствориться – нрав Володи хорошо был известен в редакции.

– Пойдем к тебе в кабинет! Поговорим... – Алена призывно тряхнула головой, и каскад огненных волос рассыпался по ее плечам. Она явно кокетничала.

– Нет, – отрезал Сосновский. – Говорить мы будем здесь. Ты зачем пришла?

– Неужели ты не рад меня видеть? – Да, он не ошибся, Алена явно кокетничала, и тут он ощутил страшный приступ тошноты.

– Нет, – тон Володи стал еще резче. – Чего тебе надо?

– Ах так? – Алена, моментально все поняв, рассердилась. – Ладно! Денег! Мне нужны деньги. И ты их мне дашь!

– Я и так даю тебе деньги по мере возможности. – Сосновский оглянулся – ему не хотелось, чтобы этот разговор слышали сотрудники. – Чего еще ты хочешь?

– Эти жалкие гроши? – почти зашипела Алена. – Ну нет! Думаешь, что так легко отделался от меня? Мне нужны деньги! И ты их мне дашь! Не забывай, что я могу основательно подпортить тебе жизнь!

– Как? – Володя нервно рассмеялся. – Ты уже все для этого сделала! Что еще?

– Я твоя жена, между прочим! – воскликнула она.

– Только на бумаге. В жизни ты мне никто. А по закону, между прочим, я не должен помогать тебе деньгами. Детей у нас нет.

– Детей... – зашипела Алена. – Кто захотел бы родить от такого ничтожества, как ты? Ты слизняк, мямля! Пустое место! Ты не то что денег заработать... Ты вообще не способен ни на что!

– Убирайся вон! – Володя сжал кулаки.

– Ну нет! Так просто я не уйду! Либо ты даешь мне денег, либо...

– Что – либо? – издевательски засмеялся Володя.

– Либо я всем расскажу, что ты жил с воровкой! Все узнают о главном редакторе, который спит с бандиткой из притонов Молдаванки! – выкрикнула Алена. – Алмазная ее, кажется, звали, да? Мне все, все про нее рассказали! Один человек! Он знает! И ты будешь меня после этого попрекать чем-то? Сам спал с воровкой!

Кровь бросилась в лицо Володи. У него потемнело в глазах. Страх, отчаяние, ярость, все это, смешавшись, превратилось в гремучую смесь, и он полностью потерял над собой контроль. Сосновский больше не соображал, что делает. Бросившись вперед, он схватил Алену за горло и швырнул ее к стене. Голос его был страшным:

– Заткнись, ты, тварь! Я убью тебя! Слышишь, ты, отродье? Скажешь кому-то хоть слово, и я тебя убью!

Алена закричала. К ним уже со всех сторон бежали люди. Володя с силой стукнул ее головой о стену. Она продолжала кричать.

– Я убью тебя! – в ярости шипел он.

Верный помощник Сосновского Савка изо всех сил вцепился в его руки, и кое-как сумел их разжать. Всклипывая, Алена сползла вниз по стене.

– Да что с тобой?! – Савка продолжал держать начальника. – Приди в себя, успокойся!

Володя дрожал. Он, мирный, спокойный и воспитанный человек, испытывал такую слепящую ярость, что на какое-то мгновение полностью растерял все остатки благородства и хорошего воспитания. Он ненавидел эту женщину с такой силой, что действительно готов был ее убить. Эту ненависть подхлестывало обжигающее чувство обиды – рана, которую нанесла ему Алена, была очень сильной.

– Убирайся! – выкрикнул он. – И больше никогда не смей появляться в моей жизни! Ни копейки ты от меня больше не получишь! Поняла? Ни копейки! Убирайся! Пошла вон!

Поднявшись на ноги, боком, неуклюже Алена двинулась к дверям. Только сейчас Сосновский заметил, что вокруг них собралась толпа – все сотрудники вывалили из своих комнат и с огромным интересом следили за семейной сценой главного редактора.

– Чего уставились? И вы тоже все пошли вон! – заорал он. Затем, оттолкнув верного Савку, который все еще продолжал его удерживать, бросился в свой кабинет.

В ресторане «Этюд» на Дерибасовской дым стоял коромыслом! Недавно открывшееся заведение пользовалось большим успехом. Цены в нем были самыми высокими в городе, а напитки – сплошь заграничными, контрабандными, хотя все местные жители прекрасно понимали, что контрабанда вся изготавливается недалеко – за углом, по соседству. Однако множество различных факторов сделало заведение самым модным в городе. А высокие цены привлекали только состоятельную публику. Ужинать в «Этуде» было делом престижа – принадлежностью к касте, в которой было принято «лопнуть, но держать фасон», соря деньгами и умело пуская пыль в глаза.

Финдиректор заготконторы по продовольствию Давид Агоян был завсегдатаем «Этюда» с самого момента открытия ресторана. И ни у кого не возникал вопрос, как скромный государственный служащий, сидящий на госзарплате в 40 червонцев, может быть завсегдатаем самого дорогого заведения в городе.

Агояна все знали – через его руки текли мощные финансовые потоки, он получал грандиозный теневой доход, который делил с верхушкой большевиков, – разумеется, все было тайно. А потому Агоян был большим человеком в городе. Его не трогали ни чекисты, ни бандиты: на первых он имел компромат, а вторым платил процент, потому беспрепятственно и ворочал миллионами.

Агоян был деловит и неболтлив, оттого до сих пор и ходил по земле – чекистам выгодно было держать его под своеобразным контролем, в поле зрения, вместо того чтобы пустить в

расход. Но была у него слабость, которая время от времени грозила подпортить его репутацию сразу во всех кругах. И слабостью Агояна были женщины.

Эгоистичный, капризный, в личных отношениях несообразительный, Давид был лживым бабником. Именно лживым. Способность лгать как дышать, с трепетом глядя в глаза, он впитал с молоком матери. И где-то лет с 14-ти успешно пользовался этим вовсю. Агоян лгал всегда, каждой женщине, с которой встречался в своей жизни. Но, будучи настоящим профессионалом своего дела, творил эту ложь так убедительно, что мало кому удавалось изобличить его.

Вот и в этот вечер Давид сидел в «Этюде» с очередной барышней – тонконогой, изящной, коротко стриженной брюнеткой лет 25-ти. Судя по цветастому откровенному платью свободного покроя, барышня принадлежала к артистическим кругам – была либо хористкой, либо статисткой. Некая свобода в ее одежде – слишком короткая юбка, слишком глубокое декольте – это демонстрировала.

– Я тебя больше всех люблю, милая, – убежденно говорил Агоян барышне, держа ее за руки и преданно глядя в глаза, ничуть не смущаясь тем, что это была их первая встреча. – Я все ради любви сделаю, милая. Наша встреча не случайна. Милая моя, королева прекрасная, наша любовь с самого первого взгляда! Я ничего подобного в жизни еще ни к кому не чувствовал. Я тебя никому не отдам!

Барышня, убрав руку, изящно отпила дорогое шампанское, кивнув в такт его словам.

– Я большой человек в городе, милая, – вошел во вкус Агоян, – все эти большевики у меня в кулаке. Деньги у меня их, много денег. Все брошу к твоим ногам, милая моя. Только тебя я всю жизнь и ждал. Любовь у нас будет, семья. Увидишь, как мы заживем!

– Да откуда у большевиков деньги? – кокетливо смеялась «милая». – Скажешь тоже!

– Много денег... И все у меня, – Давид был уже заметно пьян.

– Не поверю, пока сам не покажешь. Вот пригласишь в гости – пойду, – кокетливо надула губки барышня.

– Пока нельзя, милая. Родственники ко мне приехали. Сестра родная. Полная квартира людей! Тетя с братом, два племянника и сестра отца. Нельзя ко мне. Лучше пойдем в гостиницу.

– Ну вот еще... – обиделась барышня. – По гостиницам не хожу! Какие такие тайны у тебя, если в квартире столько людей! Обворуют они твои деньги!

– Э, не скажи. Сейф у меня с секретом, не простой... – Пьяный Агоян журчал не умолкая. Э... знаешь – соединен с участком электрическим звонком. Только ключиком открывается...

– Да ну, скучотища... – снова надула губки барышня. – Что ты мне такое скучное рассказываешь! Ты лучше о любви расскажи...

– Люблю я тебя, милая! Больше всех люблю! Милая, всю жизнь ждал! – привычно затаптал Давид в знакомом для себя русле.

К закрытию ресторана ему все же удалось уговорить барышню пойти в гостиницу – меблированные комнаты по соседству, в одном из переулков. Пьяно смеясь, она поднималась по ступенькам. За ней плелся такой же пьяный Агоян.

– Хочу еще шампанского! – Барышня с разбегу плюхнулась на плюшевое покрывало гостиничной кровати. – Немедленно!

И, кокетливо задрав юбку, выставила ногу в ажурном черном чулке. Шампанское немедленно появилось. После первого бокала шум в голове Давида усилился. А после второго он бесчувственно растянулся на потертом гостиничном ковре.

Барышня двигалась быстро и профессионально, обыскивая Агояна сверху донизу. Сняла серебряную цепочку с ключом, достала бумажник с деньгами и документами, тщательно записала адрес. По документам выходило, что Агоян женат, и у него есть малолетний сын. Барышня рассмеялась. Затем, засунув в сумочку деньги из бумажника, быстро вышла из номера и почти вприпрыжку спустилась по лестнице, все еще продолжая смеяться.

Глава 5

Жена Агояна. «Где усопший?» Угрызения совести Тани. Методы большевиков

ОДЕССА, 2 апреля 1926 года

Агоян страдал мучительно, с размахом. Обвязав голову мокрым полотенцем, он лежал на кровати в спальне и стонал. Миловидная жена, не чаявшая души в своем важном и красивом муже, сбилась с ног, не зная, как ему угодить.

Дело в том, что Агояну весьма сложно было скрыть от супруги причину столь мучительного самочувствия – передозировка снотворного, которым его усыпили в гостиничном номере, плюс похмелье. А потому он жаловался на температуру, боль в горле, подозревал смертельную «испанку». Но для того, чтобы объяснить отсутствие денег и серебряной цепочки, которую сняли у него прямо с шеи, Агоян выдумал историю в ресторане на деловой встрече – якобы, потеряв сознание от высокой температуры, он был отнесен в служебное помещение, где уложен на какой-то топчан. Там и был ограблен, прямо на топчане, – кем-то из обслуживающего персонала.

Поскольку лгать Агоян умел вдохновенно и профессионально, справиться с сочинением легенды для него не составляло никакого труда. Были выдуманы такие леденящие кровь подробности, живописуемые так вдохновенно, что он и сам в них поверил в конце концов. Жена бледнела, дрожала и едва не теряла сознание от ужаса за любимого мужа, подвергшегося смертельной опасности и чудом оставшегося в живых.

Ощущая такую поддержку, Давид вошел во вкус, воспрял духом и принялся страдать, стараясь получить от процесса максимум удовольствия. Жена уже не знала, что и сделать, лишь бы облегчить его состояние. Их шестилетний сын был изгнан в детскую, где и сидел безвылазно, тише воды ниже травы, беззвучно играя со старыми оловянными солдатиками, стараясь изо всех сил не потревожить взрослых.

Это был очень тихий, несчастный и забитый мальчик, который давно успел уяснить, что чем меньше места он станет занимать в жизни родителей, тем будет лучше для всех. Он привык,

что на него всегда очень мало обращают внимания. Мать всецело была занята мужем, до конца растворившись в этой вязкой любви, и ребенок был для нее скорее обузой, чем радостью. А сам Агоян, как и все махровые, избалованные эгоисты, был просто не способен обращать на кого-то внимания больше, чем на самого себя. Прикрываясь вечной занятостью – ведь он был действительно слишком занят, если не махинациями, то женщинами, если не женщинами, то махинациями, – Давид забывал о том, что у него есть сын, не видя ребенка неделями. От чего, впрочем, сам абсолютно не страдал.

Был вечер. В комнате лампа едва светила. Жена Агояна сидела возле его кровати и размешивала для страдающего супруга чай с лимоном и медом, дуя на него, чтобы остудить до нужной температуры, стараясь услужить мужу так, как не сможет и самая опытная прислуга со стажем. Сам Давид разлегся на всю кровать и, закинув ногу на ногу, репетировал страдающее выражение лица, тайком косясь в зеркало, находящееся рядом с кроватью, – с каким лицом выглядит лучше. Получалось очень неплохо.

Маленький сын Агояна тихонько заглянул в комнату, поскребясь в дверь, как испуганная мышь.

– Мама... А я рисунок нарисовал... Посмотришь? – прошептал он.

– А ну тихо! Иди отсюда! Потом! Не видишь, у папы голова болит! – шепотом огрызнулась жена Агояна, даже не поворачивая головы к ребенку.

– Убери его... и так плохо... – мучительно простонал Агоян, наслаждаясь звуками своего голоса, показавшегося ему самому удивительно молодым и глубоким.

Дети обладают чуткой душой. Понимая, что ему здесь не рады, мальчик тихонько поплелся обратно в детскую. В глазах его стояли слезы.

Звонок в дверь раздался неожиданно и резко.

– Кого там несет? – беспокойно подскочил Агоян, который, как и все махинаторы, боялся неожиданных звуков. – Посмотри!

Жена послушно бросилась выполнять команду.

– Кто это? – осторожно спросила она из-за двери.

– Открывайте! Новые родственники! – задорно отозвался молодой и звонкий женский голос.

Ничего не понимая, женщина распахнула дверь. На пороге стояла молодая темноволосая девушка с короткой стрижкой и мужчина лет 30-ти, высокий, коренастый, белобрысый, с туповатым крестьянским лицом.

– Ой, а вы сестра Давида? Как вы похожи! Это вы к нему приехали? Как я рада! – затараторила девица, входя в квартиру. – Вот и познакомимся! Он меня в гости пригласил!

– Кого пригласил? Вы кто? – опешила жена.

– Как это кто? Вот вам и здарсьте! – пожала плечами наглая девица. – Жених мой, Давид Агоян, тут живет? Я же ж за него замуж выхожу! А это братик мой, только вчера из села приехал! Я его с новыми родственниками познакомиться привела!

– Что? – Кровь отхлынула от лица жены Агояна. Став белой как мел, она прислонилась к стене и закричала сипло: – Давид!

Хорошо разбираясь в оттенках голоса жены, Агоян понял, что происходит нечто серьезное. Голос звучал не так, как обычно. Тут уже явно было не до церемоний. Он резко сорвал с головы мокрое полотенце и вышел в прихожую.

– Миленький! – завизжала девица, бросившись к нему на шею. – Вот я и пришла! А это мой братик!

– Кто вы такая? Что здесь происходит? – Агоян весь затрясся, опознав девицу из «Этюда», – к этой встрече он совсем не был готов.

– Наше вам здарсьте с кисточкой! Ты шо, белены объелся? Любимую женщину не узнаешь? – Девица снова повисла на его шее.

– Что вам надо? Я вас первый раз в жизни вижу! – Покраснев как рак, Давид с трудом оторвал от себя руки девицы, боясь встретиться взглядом с глазами жены.

– Да ты шо, швицер задрипанный? – отпрянула от него девица – Как это не узнаешь? А кто в гости звал? Кто со мной ночь в гостинице провел? Цепочку с ключиком на память подарил в знак вечной любви... – Она всхлипнула. – А теперь нос от меня воротишь?

– Вы меня с кем-то перепутали... Никуда я вас не приглашал... – Агоян затрясся.

– А записка? – Открыв миниатюрную сумочку, девица вынула оттуда записку, демонстративно развернула перед женой. – «Любимая... в 8 вечера в «Этюде». Жду не дожусь нашей встречи! Никому тебя не отдам. Милая, целую нежно...»

– Это не я писал, – у Агояна потемнело в глазах.

– А кто? Папа Римский? – Девица вульгарно засмеялась и тут же завизжала: – Ты шо, воспользовался мной, обесчестил в гостинице, а теперь нос от меня воротишь, знать не хочешь? А как же любовь до гроба? Ты меня на сегодня в гости пригласил! Жениться обещал! А теперь...

– Да что это за ерунда... убирайтесь... – Давид готов был провалиться сквозь землю.

– Вот шо, швицер, – тут в разговор вступил спутник девицы, – хватит тут ушами елозить! Сестру мою ты обесчестил – значит, надо платить! Деньги гони на бочку, да живо!

– Какие деньги? Вы с ума сошли! Я скромный госслужащий! – завопил Агоян. – Я сейчас милицию вызову!

– Вызывай, – усмехнулся брат, – вот мы заявление и напишем, как ты сестру мою в меблированных комнатах обесчестил! Изнасиловал обманом! Надругался над девушкой. И свидетели найдутся! Ваш муж, мадам, – обернулся он к жене Агояна, – известный бабник в городе. Ни одной юбки не пропустит. Но сейчас не на тех нарвался. Так что зови милицию, швицер задохлый! В отеле тебя опознают.

Давид отступил назад, к жене, но та инстинктивно отшатнулась, вжалась в стенку. На нее было страшно смотреть, лицо ее выражало муку. Бог был низвергнут, и жуткая правда, которую она пыталась не замечать, на которую закрывала глаза, вдруг с обжигающей силой вырвалась наружу. И Агоян, похоже, почувствовал перемену, произошедшую с его женой, потому что еще сильнее затрясся.

Заявление об изнасиловании не было шуткой – особенно по тем временам. Особенно на человека, занимавшего такую серьезную должность. Пока станут разбираться, с работы однозначно турнут. Агоян прекрасно понимал это. А значит, долой финансовые потоки. И связи среди большевиков не спасут.

– Нету у меня денег, нету, – взмолился он, – я скромный служащий, живу на одну зарплату... Жалованье задерживают...

– Тогда я иду за милицией, – сказал брат девушки.

Очередной звонок в дверь прозвучал так резко и неожиданно, что Агоян подскочил.

– Да что это такое? Матерь Божья... – он совсем позабыл, что верить в Бога ему не положено по должности.

– Откройте! – брат девушки повернулся к жене Агояна.

Та, даже не спросив, кто там, открыла дверь. На пороге стоял молодой священник.

– Добрый вечер, дочь моя! Сочувствую в вашей скорбной утрате. Где усопший?

– Кто? Что вы говорите? – Женщина растерянно отступила на шаг.

– Усопший, говорю, где? – повторил священник. – В этой же квартире покойника отпевать надо?

– Какого покойника? Нету у нас никаких покойников! – закричал Агоян, приходя в себя, находясь на последней грани нервного напряжения от всего, что свалилось на него за этот вечер.

– Вы ошиблись, батюшка, – дрожащими губами произнесла его жена, – нет у нас покойника.

– Дай Бог, и не будет, дочь моя! – ответил священник. – Ну это если с разумом дружить будете.

С этими странными словами он достал руку из полы рясы. В ней был зажат тяжелый армейский наган. А из-за его спины, с боков, неожиданно появились еще двое вооруженных мужчин.

– Всем тихо, – даже как-то ласково скомандовал лжесвященник. – Это налет. Зайти в дом и не рыпаться.

Бандиты вошли в квартиру и захлопнули за собой дверь.

– Сейф в спальне? – так же мирно спросил мнимый священник. – Ну тогда все туда!

Все собравшиеся в коридоре прошли в спальню. Со стены бандит в рясе сразу снял картину, под которой оказался сейф.

– Открывай, если жизнь дорога! – обернулся он к Агояну. Теперь в его речи не было и тени миролюбивости.

– Открыл бы! – Давид с ехидством уставился на него. – Да только ключ вот ей по глупости подарил! – ткнул он пальцем в девицу.

– Кто такая? – бандит обернулся к ней.

– А нам тоже деньги от этого гада надо! – Брат девушки выступил вперед. – Он мою сестру обесчестил! Пусть заплатит!

– Хорош гусь! – Священник искренне рассмеялся. – Везде делов натворил! Успел всем нагадить!

– У меня ключ, – упрямо сказала девица. – Значит, давайте так, шахер-махер. Я вам ключ, а вы нам часть денег. А то ведь сейф с участком милицейским соединен. Тронете – такой гембель начнется, мало никому не покажется.

– Ишь, селючка ушлая! – рассмеялся бандит. – А с чего мне верить?

– А ты попробуй в сейф пальни! И увидишь, что через пять минут будет, – уверенно произнесла девица.

– Так, ладно. Да откуда мне знать, что не врешь? – уставился на нее бандит.

– А вот ключ. – Девица сняла с шеи серебряную цепочку с ключом и помахала ею.

– Значит, правда, – выдохнула жена Агояна, но ее тихие слова буквально потонули в пространстве, не услышанные никем.

– Идет, – согласился бандит, – раз такое дело, деньгами не обижу. Я за справедливость. Гад за все заплатить должен! Слово Кагула!

– Кагул? – переспросил брат девушки. – Мы слышали о тебе, говорят, ты людей на деньги не кидаешь. И за своих людей Скумбрии отомстил.

– Оно так, – с серьезным видом кивнул Кагул, – а ты, коли разбираешься, то ко мне приходи. Хорошие люди мне завсегда нужны, не хватает их, хороших-то!

– Да что же это такое, в самом деле, – завел было Агоян, но Кагул быстро наставил на него наган и скомандовал:

– Заткнись, мразь!

Затем он забрал ключ у девушки.

Когда сейф был открыт, все ахнули. Снизу доверху он был забит червонцами. Толстые пачки были в банковских упаковках.

– Денег у него нет? Ах ты сука! – сжав кулаки, брат девушки подступил к Агояну.

– А ну ша! Гембель мне тут не за надо, – остановил его Кагул. – Мы ему юшку по-другому пустим. Выгребайте, ребята.

Миг – и бандиты очистили сейф, переложив все деньги в два холщовых мешка. Кагул отобрал пять толстых пачек и всунул их в руки брата девицы.

– Вам, ребята. Заслужили.

На последней полке сейфа лежало несколько коробок с драгоценностями. Бандиты тоже их забрали.

– Это мои украшения, – жена Агояна внезапно выступила вперед. – Это подарки моей покойной матери. Оставьте.

– Мне жаль, мадам, – повернулся к ней Кагул, – но оставлять ничего не будем. Вы вышли замуж за мерзавца. Он вам новые купит. Отойдите, мадам. Не стойте на дороге. И не расстраивайтесь. Скоро ваш муж очухается от сегодняшнего вечера и снова станет воровать по полной.

Бандиты ушли. Брат с девушкой потоптались в дверях. Засунув деньги в карманы куртки, он с ухмылкой сказал:

– Вот оно как вышло... нет, значит, денег...

– Убирайтесь! – почувствовав себя в безопасности, жена Агояна сжала кулаки и буквально бросилась на парочку.

– Не на того собачитесь, дамочка, – оттолкнув ее, хмыкнул брат. – Шлялся бы ваш благоверный поменьше, и вы бы целее были, вместе с денежками. Так шо...

С этими словами они покинули квартиру. Дверь за ними грохнула, как выстрел. Маленький мальчик, сын Агояна, испуганно выглянул в коридор. Все это время он прятался в комнате и боялся войти, слыша злые и раздраженные взрослые голоса. Плюшевый потертый медведь, слишком большой, волочащийся по полу, зацепился лапой за косяк двери. Мальчик тянул его за собой одной рукой. Почувствовав, что медведь застрял, он обернулся, схватил его двумя маленькими ручками и с силой потянул на себя. Медведь отцепился от косяка, и мальчик упал. Он тихонько заскулил, пытаясь привлечь внимание взрослых. Но мать, застыв, все не двигалась с места и не обращала на него никакого внимания.

Ее лицо было совершенно бледным, от него отхлынула вся кровь. Глаза с расширенными до предела зрачками неподвижно уставились в одну точку и напоминали огромные ямы, глубокие и опасные впадины в земной коре, проникающие до центра земли. Это были глаза человека, вдруг увидевшего перед собой что-то настолько страшное, что он не может отойти – так смотрят люди, с глаз которых спала пелена, вдруг, без всякого предупреждения, обнажив настолько пугающую истину, что человеческий рассудок просто не способен ее переварить, преодолеть и вернуться в нормальное состояние, в ту жизнь, которая больше никогда не будет прежней...

Вздыхая, охая и хватаясь за голову, при этом не отрывая трусливого взгляда от раскрытой дверцы сейфа, Агоян не видел этих глаз жены. Он, войдя во вкус, все сильнее принялся стонать и причитать. Но, пораженный наступившей тишиной, обернулся. Мысленно он уже приготовился к скандалу – слезам, истерике, крикам, упрекам, и лихорадочно соображал, как себя ему вести, что говорить.

Но его жена, застыв, смотрела прямо перед собой в одну точку неподвижными, немигающими, не меняющими выражения глазами.

– Не смотри на меня так! – взвизгнул Агоян, не выдержав. От страшного зрелища у него по спине потекла неприятно липкая струйка ледяного пота.

Это было неправдой – женщина смотрела не на него. По ее лицу, разом потерявшим все свои краски, все больше и больше растекалась смертельная бледность. Мало того, оно вдруг начало становиться синюшным – прямо на глазах.

– Ой, голова болит... – вновь попытался пожаловаться Агоян, – я тебе все потом объясню... Брехня все это...

Ответа не последовало. Подхватив дрожащей рукой полу халата, он стал тихонько пятиться к выходу из комнаты, вдруг ставшей такой страшной, и нечаянно натолкнулся на сына. Наступив на медведя, отшвырнул его в сторону. Мальчик заплакал.

– Убери его отсюда! Уведи в детскую! – истерично крикнул Агоян, в голосе которого появились неприятные, визгливые нотки, как у базарной бабы.

Но жена даже не повернула головы. Прочесав сквозь зубы проклятие, Давид отодвинул плачущего ребенка в сторону и быстро выскользнул в гостиную. Ноги у него почему-то заплелись. Только тогда женщина медленно повернулась к стене, к раскрытому бандитами сейфу, и потом снова застыла...

Черный автомобиль, урча двигателем, медленно тронулся с места. За рулем сидел бандит, только что изображавший брата девушки. Рядом с ним – еще один. Кагул, все еще не снявший рясу священника, вместе с девушкой разместился на заднем сиденье.

Отвернувшись к окну автомобиля, девушка сохраняла напряженное молчание. Кагул вытащил из мешка небольшую коробочку, обитую черным бархатом. Раскрыл. Даже в темноте алмазы и рубины засверкали на колье.

– Посмотри! – осторожно, даже с некоторым страхом, он тронул девушку за плечо. – Посмотри, какая красота! Это тебе. Специально для тебя оставляю.

– Убери это, – она отмахнулась от него, как от надоедливой мушки. Выражение лица при этом стало у нее злым.

– Таня!.. – опешил Кагул.

Таня, а это была именно она, обернулась к нему, сохраняя на лице выражение странной, пугающей и сосредоточенной злобы.

– Убери это, – резко повторила она, – я не люблю драгоценности. Ненавижу золото и камни. Ты же знаешь, что я никогда не оставляю себе награбленное.

– Да, я знаю, но я думал... – как-то виновато отозвался Кагул, – просто очень красивая вещь. Ты хоть взгляни...

– Хватит! – резко вырвав из его рук коробочку, Таня захлопнула ее. – Убери это! Ненавижу! Не хочу!

– Хо-хо! Ненавидеть золото и стекляшки... Да на такой шухер способна только наша Алмазная! – хохотнул бандит, сидевший на переднем сиденье, вполоборота повернувшись к ним. Но, испуганный выражением лица Тани, тут же сел прямо и больше не встречал с замечаниями.

– Ты же сама на этого Агояна навела, сама все спланировала! – нахмурился Кагул.

– Да, навела, – ответила Таня, – да, спланировала. Мало ли чего я с тобой здесь не планировала. Тебе – вернее.

– А ведь здорово все прошло! – засмеялся Кагул, к которому вернулось хорошее расположение духа.

Машина въехала в круг света от уличного фонаря. Разглядев в этом тусклом свете лицо Тани, он резко оборвал смех.

– Что с тобой? Таня, что происходит?

– Это было мерзко! Отвратительно. Гнусная комедия...

– Да брось! Это было здорово! Мы же хорошо повеселились. А сколько взяли всего!

– Нет. В этот раз мы перешли черту. У меня на душе тяжело. Плохое предчувствие.

– Да что будет? – насторожился Кагул, который не раз мог убедиться в интуиции своей отчаянной подруги. – На хвост нам сели? Кто выследил? За нами придут? Заметут кого-то из наших? Да что ты чувствуешь, что будет? Что? – зачастил он.

– А я откуда знаю? Я не Господь Бог... – зло огрызнулась Таня. – Знаю, что будет плохое. На душе так паскудно... Провались оно все к чертям!

И сказала она это с таким выражением, что в машине повисло пугающее молчание, которое никто не решался нарушить.

Таню действительно мучило плохое предчувствие. Тяжело и безрадостно было у нее на душе. Она смеялась и с легкостью играла в жизнь, проворачивая с Кагулом самые дерзкие и отчаянные налеты! Жизнь, полная охотничьего азарта, кипела в ней раскаленной, отчаянной

кровью былого могущества, которое снова вернулось к ней и которое когда-то давно так пьянило ее.

Так было – до этого дня. И Таня не могла объяснить, что измучило ее больше всего – белое, страшное, застывшее лицо жены Агояна или детские игрушки, разбросанные по полу в гостиной. Среди них были и такие, которые совсем недавно она покупала своей дочери.

Таня и сама не могла понять, что изменилось и в какой именно момент. Просто – изменилось. И она знала, что принесла в этот дом беду. И эта беда – непонятная, необъяснимая – станет ее виной и обязательно отразится на ее жизни.

Впервые ей стало страшно. Никому на свете Таня не призналась бы, что испытывает страх. В этом признаться было невозможно. А потому лучше было хранить молчание, надеясь, что эта черная бездна, поглощающая сейчас ее душу, никогда больше не вырвется наружу, она сумеет спрятать, задавить ее в себе, если просто будет молчать.

И, забившись в угол, Таня молча смотрела в окно машины на город, который мелькал перед ней, оставаясь позади темным силуэтом.

За прошедший год ее жизнь изменилась самым невероятным образом, и Таня сама не понимала, как это произошло. После убийства Котовского, после окончательного, в который раз, разрыва с Володей, так и не сумевшего простить Таню за то, что она выгораживала Мишку Нягу, в Одессу вернулся Туча. И разом занял все позиции в криминальном мире, которые ему не удавалось занять до того момента, буквально все. Все прошло как по маслу.

Больше не было столь значительной силы, как Котовский, способной чинить препоны на пути Тучи. И он быстро возглавил весь криминальный мир города, подмяв под себя даже все, что контролировалось Пауком. Не всем, конечно, это пришлось по нраву. В Одессе время от времени вспыхивали криминальные войны, но они не носили такого разрушительного характера, как раньше, когда на улицах кровь текла рекой, а под бандитские пули попадали невинные жители.

Туча был справедлив. Он умел четко выстраивать границы – не только в районах, но и в отношениях бандитов друг с другом, ну и по отношению к себе. По натуре Туча не был завоевателем, как, например, Михаил Японец. Тот видел цель и шел к ней любым путем, но при этом с помощью разума и опыта всегда находя самую легкую и верную дорогу. Туча же был больше стратегом, чем воином. Конечно его нельзя было назвать мягким человеком, но он был достаточно осторожен для того, чтобы, не поддавшись ненужному азарту, замутить в городе кровавые районные войны, которые в итоге не привели бы ни к чему.

Кроме того, Туча прекрасно понимал, что изменились времена и законы. Криминальный мир больше никогда не будет таким, как раньше. А у бандитов появился самый страшный и опасный враг со времен существования Одессы – большевики.

Методы их не были похожи на все, с чем раньше приходилось сталкиваться одесским бандитам. Большевики были жестоки до фанатизма, до тошноты – похуже любой царской охраны, кроме того, они сумели выстроить в бандитской среде целую систему слежки и доношительства, от подлости которой плевались даже способные на самый низкий поступок криминальные шестерки. У большевиков не было «законов чести» старых полицейских офицеров. В своей борьбе с бандитами они считали, что хороши все методы. А потому не брезговали пользоваться любой подлостью и гнусностью, способной привести к цели. Туча прекрасно понимал это, и горечь этого знания не давала ему спать по ночам. А потому ему удалось убедить одесских бандитов, что лучше не воевать между собой, а сплотиться против общего врага.

Сделать это ему удалось достаточно быстро – особых убеждений и не требовалось, потому как бандиты уже и сами понимали, с кем имеют дело. Особенно те, кто уже попадал в застенки к большевикам.

Любимым методом красных следователей было обманывать на допросах и тем стравливать задержанных друг с другом, выбивать фальшивые показания на бывших товарищей,

заставлять наушничать и доносить. Широкое распространение получил метод «подсадной утки», когда в камеру к бандиту подсадили вроде своего, а на самом деле – шпиона, который в процессе совместного проживания выуживал всю информацию, а затем сливал ее следователю.

Мирный по своей натуре Туча не раз давал добро на показательную казнь таких «уток», которые стучали в бандитской среде. Все знали, что если такого удалось выследить – расправа будет жестокой и скорой.

Но, несмотря на то что подлых предателей находили и наказывали, они появлялись снова и снова. Это причиняло страшные страдания чувствительной душе Тучи, который все еще помнил старые законы бандитского мира, где стукачество, выдача своего жандармам, считалось преступлением против всех, низшим падением, и многие бандиты соглашались принять смерть, но не выдать никого.

В отличие от всех остальных властей, которые боролись с бандитским миром Одессы, большевики обладали одной очень опасной особенностью: они пытались изучать криминальный мир, как бы маскироваться под него, на основе бандитских законов придумывая свои методы борьбы. Но это носило довольно жестокий характер, подкрепленный идейным фанатизмом новых работников уголовного розыска, которые безоговорочно и бездумно подчинялись партийным приказам сверху, что часто делало невозможным с ними договориться так, как бывало раньше.

Конечно, среди большевиков были те, кто любил деньги. Но попадались и такие, кто их не брал. И это делало процесс привычного решения проблем еще опаснее. Всё, всё изменилось, и не в лучшую сторону.

Эти изменения не давали Туче спать по ночам...

Глава 6

Правая рука Тучи. Дебют в ломбарде. Роман... из-за куклы. Трагедия

Правой рукой Тучи во всей этой борьбе был Кагул. Он стал бессменным его заместителем и единственным человеком, которому Туча мог доверять.

Несмотря на то что Кагул был из новых воров и не знал прежних законов, у него был какой-то внутренний «костяк порядочности», который очень сильно выделял его из всех остальных бандитов. И Туча сумел это разглядеть.

Туча вообще неплохо разбирался в людях. В этом ему помогал большой жизненный опыт и знания, полученные в работе с Японцем. А потому он сразу разглядел, что как главарь Кагул имеет очень большой потенциал.

Кроме того, Туча не забыл роль Кагула в организации его побега из Александровского участка, когда тот помог Тане вызволить его, Тучу, из такой страшной беды, что свое заключение Туча до сих пор вспоминал с содроганием.

А потому он приблизил Кагула к себе и помог ему быстро собрать банду. Проблем с набором людей не было. Как главарь Кагул был азартен и справедлив, к тому же очень удачлив. Первые же его дела принесли ему успех. Все шло хорошо, банда разрасталась.

А потом на вилле у Тучи Кагул встретился с Таней. Она часто бывала в гостях у своего друга. После отъезда Мишки Няги и разрыва с Володей, над которым Туча посмеивался в очередной раз, Таня затосковала. Заниматься тем, что она делала раньше – быть новой «усыпальницей», – Таня больше не хотела. Ее стало тошнить от одной мысли о ресторанах. Кроме того, она возненавидела мужчин, обвиняя в своих бедах, и ей хотелось затравить их всех до смерти.

Всех – кроме Тучи. Он остался ее единственным другом, и, прекрасно понимая ее состояние, он сам сказал, что путь в рестораны лучше закрыть. Обдумав его слова, Таня согласилась с ним.

Но ей нужно было чем-то себя занять. Она маялась от тоски и безделья. Ее опасная, даже в чем-то зловещая натура требовала выхода. И в поисках этого выхода Таня проводила целые дни. Желая себя хоть чем-то занять, она ездила на виллу к Туче.

Тот жил по-прежнему роскошно, и никакие большевики не могли ему в этом помешать. Он пребывал на той же самой вилле в районе Фонтанских дач. Огромные панорамные окна дома выходили на море. И Тане очень нравилось смотреть, как в штормовые дни за ними бьется и неистово пытается все разрушить страшное море – точно такое же мятежное, как и ее душа.

Еще с детства она, как ни странно, очень любила штормовые дни. Шторм на море нравился ей больше, чем спокойная и тихая гладь. В отличие от очень многих людей, Таня никогда не боялась этой стихии, она просто наслаждалась ее мощью и неудержимой силой, бросающей могущественный вызов этому нелепому и жалкому миру, прогнившему насквозь...

Развалившись в мягком кресле, покрытом красным плюшем, Кагул излагал план налета на ломбард на углу Гаванной и Дерибасовской. Вот уже несколько дней подряд Таня встречала его у Тучи. Он нравился ей. Этот лихой бандит держался при ней подчеркнуто уважительно и даже немного робел в ее присутствии. А в первую их встречу, после большого промежутка времени, что они не виделись, даже поцеловал ей руку.

– По-старорежимному! Грандиозный шухер! – тут же съехидничал Туча, мимо которого просто не мог пройти такой момент.

А Тане было приятно. Вот уже давным-давно никто не целовал ее рук. Да и целовали их так редко, что память почти не сохранила воспоминаний об этом. Таня тут же потеплела к Кагулу, просто поражаясь тому, как такая мелочь может тронуть сердце женщины, пусть она даже бандитка и воровка.

С тех пор Кагул стал неотъемлемой частью обстановки виллы Тучи, чем-то вроде мебелировки гостиной. И каждый раз приходя туда, Таня заставляла его.

Кагул рассказывал о своих планах, обсуждая их с Тучей. А Таня тихонько раскладывала пасьянс.

В тот день был шторм. Таня сидела на своем обычном месте, за столиком возле панорамного окна, и не отрывала взгляда от бушующего моря, наслаждаясь его свирепостью. Нетронутая колода карт застыла в ее руке.

Кагул собирался грабить ломбард субботним вечером, когда он будет закрыт. Пройти со стороны Дерибасовской и Гаванной, оттуда зайти через служебный вход и тем же способом выбраться обратно. Нападение планировалось в восемь вечера.

Тут Таня не выдержала. Услышав такую чушь, она даже оторвалась от своего любимого моря и повернулась к мужчинам.

– Туча! Ну ты хоть слово скажи! – воскликнула вдруг она, бестактно вмешавшись в разговор. – Суббота, Дерибасовская, восемь вечера! Да в это время там демонстрация, настоящая толпа! Разве можно так глупо рисковать на глазах у всех? Давно прошли времена Японца. К тому же в этом доме не только ломбард расположен, но и другие серьезные конторы. А потому рядом со входом в Горсад, со стороны решетки, особенно в это время, будет торчать вооруженный милиционер!

– А ведь за дело! – хмыкнул Туча. – Суббота, у вечер-то такой гембель, шо увидят, где ходят четверо с пушками! Тю! Всем вам будет за вырви ноги!

– Ну, а когда ломбард брать, раз не вечером? – насторожился Кагул.

– И с Гаванной заходить нельзя, надо со стороны Горсада, – так же решительно продолжила Таня. – Там вход в парадные, в жилые квартиры, есть. Можно на чердак – а оттуда, через слуховое окно, добраться уже до ломбарда.

– Ты до Алмазной ушами заслушай, – серьезно сказал Туча. – Она дело говорит! Опыт. Та ще шкура, таких швицеров бомбила та обувала, шо и в твоих подметках не покажутся! Так шо за уши заслушай!

– И четверо мужчин – тоже нельзя, – Таня вдруг поняла, что страшно нравится себе самой. Она продолжала: – Четверо мужчин сразу привлекут внимание. Люди насторожатся. Особенно если те войдут все вместе. По-другому надо! Например, семейная пара и двое носильщиков, которые вносят и выносят вещи. И утро! Обязательно утро, лучше восемь утра. Тогда на Дерибасовской и в Горсаду совсем не много гуляющих. Можно пройти незамеченными.

– Хорошо, допустим... – задумался Кагул. – Восемь утра – согласен. А где семейную пару взять? Женщина – она ж тот еще гембель! И простую торговку с Привоза не возьмешь. Где ж сыскать?

– А я на что? – улыбнулась Таня, наконец высказав то, ради чего и затеяла весь этот разговор. – Скучно мне жить стало. Я за милую душу пойду!

– Тю! Ну наше вам здрасьте! – всплеснул руками Туча. – Напаялила до пятки шкарпетки, да в пламя! Алмазная, ты такой гембель, шо хуже геморроя! Шо ты до шухера все лезешь и лезешь, бо черт пятки щекочет! У тебя дочь растет. Живи да не болей! Так нет, она мне делает вырванные годы за куриные гланды! Угомонися, ангина!

– Скучно мне жить стало, Туча, – с тоской снова произнесла Таня и вдруг вспомнила, что уже говорила ему эту фразу, и не один раз, все повторялось. – Жить, как все, я не могу. Так уж карта выпала, Туча. Моя всегда крапленая. Что уж тут поделаешь. Да и не могу я иначе, ты знаешь. Просто не могу никак.

Туча нахмурился, и Таня поняла, что он понял все правильно. Он всегда понимал все правильно – по душе ее и по глазам.

– Ох стервозная ты баба, Алмазная... Шо тот швицер в заднице! – тяжело вздохнул Туча и повернулся к Кагулу. – А до риску шо?

– А риску не будет, если одного человека с подводой – фургоном на шухере оставить, – снова вмешалась Таня, не дав Кагулу и рта раскрыть. – Двое носильщиков и мы – за семейную пару. Ну кто милицию звать станет, когда люди в квартиру грузят или выносят какие-то свои вещи? Кто б позвал? Ты б позвал?

– Мы пару стволов возьмем – на всякий случай, – сказал Кагул, не сводя с Тани восторженного взгляда, – да перья за голенищем... Выдержим и шухер, коли шо.

– Не понадобится, – решительно сказала Таня, – ломбард в десять утра открывается. Я знаю.

И тут же покраснела, поняв, что выдала себя с головой. В самые тяжелые моменты жизни она не раз ходила в этот ломбард и закладывала какие-то мелочи – драгоценные колечки, серебряную посуду. И не всегда выкупала их назад... Жить с ломбарда было унижительно. Таня никому не признавалась в том, что таким способом пыталась выжить. Вся душа ее просто переворачивалась от соприкосновения с нищетой. А ломбард и был символом этой страшной, пугающей, подстерегающей ее нищеты, от которой столько лет она пыталась уйти.

Но мужчины не поняли ее смущения. Они не понимали таких жестоких, рвущих женскую душу мелочей. И у Тани немного отлегло от сердца.

Туча с Кагулом внесли еще некоторые коррективы в ее план, но в целом он был принят на ура. В ломбард было решено идти в восемь утра в субботу.

Случилось так, что в четверг жена одного крупного и известного комиссара проигралась в карты в одном подпольном игорном доме в дебрях Косвенной. Это был дважды скандал. Во-первых, потому что проигрыш был очень крупный. В отчаянии от такой жуткой суммы жена комиссара напилась и устроила в заведении дебош, причем такой, что ее еле выставили. А во-вторых, она ни за что не могла признаться мужу в таком крупном проигрыше. В последний раз он прямо заявил, что ему легче прострелить ей голову, чем выплачивать эти бесконечные

карточные долги. Причем его никто не посадит. А потому жена страшно боялась признаться супругу и тем более озвучить сумму.

Поэтому, протрезвев утром, она придумала следующую комбинацию. В домашнем сейфе мужа лежала тиара с гранатами и бериллами, отобранная при обыске какой-то еврейской семьи. Муж собирался продать эту ценность за границу и тайно искал покупателя. Учитывая его служебное положение, это было не так просто сделать, поэтому дело продвигалось медленно, а тиара спокойно лежала себе в сейфе, куда комиссар и не заглядывал.

План был до комичности прост: женщина решила заложить тиару в ломбард, расплатиться с долгом, а потом, распродав кое-какие свои драгоценности и одолжив денег по родственникам и друзьям, выкупить ее обратно. В общем, думала она, если все устроить как надо, муж ничего и не заметит.

Процесс одалживания и распродажи для выплаты долга не подходил, потому что он требовал времени, хотя бы двух недель. А долг требовали оплатить сразу, в течение одного-двух дней. За такое короткое время необходимую сумму можно было получить только в ломбарде. И, несколько больше не сомневаясь, жена комиссара отнесла в ломбард тиару.

Сданное сокровище не оформили: в ломбардах всегда проводились левые сделки – за определенный процент. А поскольку эту женщину там знали как постоянную клиентку – она обращалась туда не раз, – деньги ей одолжили без проблем. И без документов.

Все это произошло в четверг. А в субботу в восемь утра тиара уже оказалась в руках Кагула и Тани, которые и сами обомлели, заглянув в сейф. Никто даже не предполагал, что в ломбарде может находиться подобная драгоценность! Тиара была помещена в чистую холщовую тряпицу, спешно найденную Кагулом для такого случая, и унесена из ломбарда на Дерибасовской в дебри Молдаванки, где Туча, Кагул и еще несколько серьезных людей в авторитете в полном изумлении склонились над ней.

Что произошло с женой комиссара и как она выкрутилась из жуткой ситуации, история умалчивает. А вот авторитет Кагула вознесся до таких невиданных небес, что затмил репутацию всех существующих главарей банд.

Но эта высота не вскружила Кагулу голову. Его большим достоинством было то, что он всегда умел мыслить рационально. Кагул прекрасно понимал, что успех этот – чистая случайность, и его необходимо закрепить. Кроме того, большая доля в этом успехе принадлежит именно Тане, которая помогла повернуть все без сучка и задоринки. Поняв, что она приносит ему удачу, Кагул решил все время работать с ней. Так для Тани началась старая новая жизнь, всколыхнувшая застоявшееся болото ее дней, полных тоски об ушедшем. А Кагул постепенно занял очень значительное и серьезное место в ее жизни.

Поначалу Таня даже не думала о нем как о мужчине. Она воспринимала его нейтрально, как еще одного представителя из криминального мира, а их она уже перевидала на своем бурном веку. Тане больше не хотелось никаких любовных увлечений, никаких новых романов. И она сама поражалась спокойствию своего тела. Ей даже стало казаться, что она больше никогда уже не будет испытывать страсть.

Исчезновение из ее жизни Володи и Мишки Няги, можно сказать, оставило в ее душе сквозную рану – навывлет. И Таня к ней привыкла – ей казалось, что эта рана никогда не заживет, хотя безусловно, она перестала кровоточить. Рана себе и рана. Жить можно.

Но общаться с Кагулом Тане было легко и приятно. Он понимал ее с полуслова и всегда, когда было надо, оказывался рядом, очень мягко, ненавязчиво ухаживал за ней, проявляя небольшие, но приятные знаки внимания.

Кагул приглашал ее в дорогие рестораны, и ей было невероятно приятно посещать рестораны не по работе, не в поисках очередного клиента, а просто так. Дела у них шли блестяще, и он мог позволить себе угостить Таню лучшими напитками и блюдами. Она всегда любила разнообразие, узнавать что-то новое, и у нее был прекрасный вкус. Кагул дарил ей какие-то

мелочи – духи, конфеты – и делал это так ненавязчиво, что просто нельзя было отказаться. Таня поражалась тому, откуда столько такта и воспитания у простого вора, и с какой легкостью он чувствует ее израненную душу.

Однажды она возвращалась домой, в Каретный переулок, где по-прежнему жила с Оксаной и Наташей, и увидела Кагула, который стоял на лестничной клетке у слухового окна. Он держал в руках огромную куклу – творение советской промышленности. Неказистое лицо игрушки было раскрашено бесхитростно – так, как раньше раскрашивали игрушки на сельских ярмарках. Смущаясь, Кагул протянул ей куклу:

– Это дочке твоей!

Никогда и никто из ее мужчин, даже Володя, ничего не дарил и не приносил Наташе. Таня была покорена! Она пригласила Кагула в квартиру. Оксана с Наташей как раз были на прогулке. И он стал ее любовником.

Оставшись один раз на ночь, Кагул остался совсем. Таня чувствовала, что он ее действительно любит. И была признательна ему за то, что он не требует от нее ярких проявлений любви. Их отношения стали прочными и вдруг начали напоминать настоящую супружескую жизнь, а налеты придавали тот самый дикий азарт, которого всегда не хватает в обыкновенной семейной жизни. Словом, Тане не на что было жаловаться.

Кагул относился к ней хорошо, любил ее, проявлял заботу и никогда не изменял. Она даже начала считать, что ей наконец немного повезло в жизни. Так было до того дня, как, уставшись в стекло автомобиля после налета на финдиректора Агояна, Таня вдруг стала понимать, что падает в страшную, безграничную пропасть, и никогда больше не сможет подняться, вернуться назад...

Жена Агояна медленно повернулась к раскрытой дверце сейфа.

– Мама, – снова заплакал мальчик, – мама, не смотри так!

На мертвом, умершем при жизни лице женщины больше не было никаких эмоций – только застывший белый гипс.

Она подошла к сейфу, не обращая никакого внимания на ребенка. Мальчик продолжал плакать, прижимая к лицу грязные кулачки. Медведь со стуком вывалился из его рук на пол. Обернувшись, женщина машинально подняла его с пола, сунула, не глядя, в руки мальчика, а затем снова повернулась к сейфу. Протянула руку внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.